

ВНИМАНИЕ: СЕРИАЛ!

Андрей Анисимов

БЛИЗНЕЦЫ

КТО СТРЕЛЯЛ В УРОДА?

ДЕТЕКТИВ

Близнецы

Андрей Анисимов

Кто стрелял в уroda?

«Автор»

2005

Анисимов А. Ю.

Кто стрелял в уroda? / А. Ю. Анисимов — «Автор»,
2005 — (Близнецы)

Клиент, заказавший расследование агентству бывшего следователя, а ныне частного детектива Ерожина, застрелился? Такое бывает... Но очень уж неправдоподобным выглядит это самоубийство, и очень уж явно пытается кто-то навесить это странное преступление на любовника жены погибшего... Ерожин, отозванный из отпуска, берется за дело – и немедленно понимает: что-то очень важное снова и снова уходит от внимания милиции. Что-то, что может опрокинуть официальную версию убийства...

Андрей Анисимов

Близнецы 7. Кто стрелял в уroda?

Вполне возможно, что произведение искусства имеет нравственные последствия, но требовать от художника, чтобы он ставил перед собой какие-то нравственные цели и задачи, – это значит портить его работу.

И. Гете

– И как я с тобой сплю? Ты же страшилище... – Лиля сидела перед зеркалом, едва накинув халатик, и ремонтировала попорченный страстью макияж. Андрон Михайлович продолжал лежать в постели и глядеть в потолок. На его лице с огромным костистым носом не произошло никаких изменений.

– Что ты молчишь, Андрон? Я, кажется, с тобой разговариваю...

– Ты не разговариваешь, а хамишь. Как я должен реагировать? Я женщинам на хамство не отвечаю. – Он повернул к Лиле голову, и в его косоватых глубоко посаженных глазках промелькнуло нечто вроде иронии.

– Я не хамлю. Я хочу понять, что я в тебе нашла? Мне двадцать шесть. У меня красавец муж... Да и любой мужик готов раскиснуть, только я захочу... А сплю со старым уродом. – Лиля надула губки. Она знала, что это ей идет, и ждала ответа.

– Красивые мужчинки чаще всего или подлецы, или болваны. Женщины поумнее это понимают.

– Никогда не считала себя умной...

– Значит, ты большая оригиналка. – Изрек Андрон Михайлович и снова направил нос в потолок. Лиля топнула ножкой:

– Нечего кокетничать. Сколько баб от тебя без ума. И ты всяких в койку не кладешь. Тебе нравятся молодые, красивые... Чтоб ноги от ушей.

– Я банален. Редко встретишь мужика, жаждущего дурнушку. Если такие встречаются, это уже от комплекса неполноценности или извращенцы...

Лиля юркнула в постель:

– Но есть же какая-то тайна в твоей притягательности...

Андрон Михайлович приподнялся, левой рукой обнял Лилу, выпростав из-под простыни длинную костлявую правую, налил себе минеральной воды, открыл тумбочку, извлек упаковку с лекарством. Добыв все той же правой рукой таблетку, ловко забросил ее в рот и запил минеральной. Прodelав все это, улегся обратно и прижал Лилу к себе:

– Ты не поймешь... Для тебя это слишком сложно.

– Я такая дура?

– Ты не дура. Ты женщина. А для женщины в мире условностей есть грань, за которую они не могут, да и не хотят заглядывать. – Андрон Михайлович имел целую теорию насчет своей неотразимости. Он вывел формулу, в которой уродство – есть обратная сторона красоты. Если красота от Бога, то уродство от Дьявола. Дьявол страшен, но прекрасен. Немало художников пыталось разобраться в этой загадке. И только гениальный Врубель ближе всех коснулся образа Сатаны. Его Демон страшен и прекрасен одновременно. Красивых женщин влечет к противоположности. Рядом с некрасивым мужчиной они блистают. Его некрасивость подчеркивает их красоту, и они дарят ее. Красивому мужчине красоту не подаришь. Он берет ее как должное. А женщины любят себя дарить... Но всего этого поведать Лиле Беньковский не хотел.

– Если ты такой умный, найди доступное объяснение – Продолжала приставать любовница.

– Я умею слушать тот бред, который вы несете. Говорят, что женщины любят ушами... Это, правда. Но не меньше женщины любят языком, который у них всегда чешется, а говорят обычно мужчины. Я редкое исключение. Полагаю, вот и весь секрет... – Вывернулся Беньковский: – А по поводу красавца мужа – твой Арнольд болван. А бабы дураков не уважают. Кстати, завтра он должен мне выдать гонорар. Я рассчитываю на эти несколько тысяч долларов. Я человек не богатый, и для меня это большие деньги...

– Какая же ты сволочь... – Восхищенно прошептала Лиля: – Спишь с женой Хромова и еще его шантажируешь!

– Девочка, запомни. Я никого не шантажирую. Я скрупулезно и добросовестно работаю над биографией преуспевающих господ. Нахожу в этих биографиях изъяны и предъявляю за них счет. Мужчина в жизни обязан за все платить. А за удовольствие остаться чистеньким и богатеньким – тем более. И хватит о делах...

В любовном порыве Беньковский напоминал скорее доисторическую птицу, созданную болезненной фантазией голливудских мастеров, чем реальное существо. Лилия, отдаваясь любовнику, испытывала ужас, и этот ужас перерастал в восторг. Столь странных метаморфоз своего чувственного механизма женщина ни понять, ни объяснить не могла. Что еще раз подтверждало формулу Беньковского о притягательности противоположностей.

Как только она ушла в ванную, Андрон Михайлович быстро поднялся. Вставать с постели он предпочитал без свидетелей. Худосочный, сутулый, с впалой грудью, без одежд он сам считал себя прекрасным. Но понять, по мнению Андрона Михайловича, это мало кому дано. На пляже его тело вызывало сочувствие или неприязнь. Иногда и то и другое. Но реакция окружающих его мало трогала. Стадо боится всего необычного, это закон природы – рассуждал Беньковский. В одиночестве он часто разглядывал себя в зеркало и восхищался своей фигурой. Лицом тоже любовался подолгу. В суховатой головке с огромным носом, впалых щеках и маленьких глубоко запавших глазках он отмечал породу и обаяние. Чего нельзя сказать о людях, видевших его впервые. Андрон сильно косил, и догадаться собеседнику, что он смотрит ему в глаза, удавалось не сразу. Оттого пристальный взгляд Беньковского многие не выдерживали.

С необычайной сноровкой для его нелепой конструкции он открыл шкаф, выхватил из ящика белоснежную сорочку, сдернул с вешалки костюм, и через мгновение носки, сорочка и брюки оказались на нем. Покупать верхнюю одежду в магазинах Андрон Михайлович не мог. Его длиннющие руки вылезали из всех рукавов подходящего размера. Костюмы Беньковскому шил Изя Якубов. Бухарский еврей Изя был отменным портным и умел скрыть изъяны нестандартной фигуры клиента.

Повязав галстук, Андрон Михайлович облачился в пиджак.

С обувью у Беньковского тоже возникали проблемы, поскольку ноги он имел разные. Левая ступня требовала сорок третьего, а правая была на два номера меньше. Поначалу обувь ему присылали из Еревана, где ее мастерил парижский репатриант Ашот Погосян. Когда Союз развалился, и контакты с Арменией усложнились, Андрон стал покупать две пары разного размера и использовал по одному башмаку из каждой. Именно такую пару обуви он вынул из нижнего ящика шкафа и протер бархоткой.

Выйдя из ванной, Лилия застала любовника при полном параде.

– Ты так молниеносно одеваешься, что я пугаюсь... – Вовсе не испуганно проворковала молодая женщина: – Ты меня подвезешь?

– Естественно.

– Теперь это не очень естественно. Джентльмены на Руси перевелись...

Беньковский оглядел любовницу с ног до головы:

– С твоей внешностью и в твоём положении ты можешь себе позволить жлобов избегать.

– Не всегда получается... Ладно, поехали. Уже десять. Я обещала Хромову приготовить ужин.

– Ты заботливая супруга, и это похвально. – Серьезно и рассудительно поощрил Андрон Михайлович и, выпустив даму, старательно запер стальную дверь.

«Лендровер» Беньковского стоял у подъезда. Кавалер галантно раскрыл Лиле дверцу, мягко захлопнул, когда она устроилась на сидении, затем, приволакивая правую ногу, обошел машину и уселся за руль. Отъезжая, он внимательно посмотрел в зеркальце и заметил, как от дома напротив за ним двинулся старенький «Жигуленок».

– Опять катаюсь с сопровождением... – Ехидно усмехнулся водитель.

– Ты что-то сказал? – Переспросила Лилия.

– Привычка старого холостяков бубнить себе под нос... Не обращай внимания...

Хромовы жили в новой башне на Юго-западе. В десять вечера пробки в Москве рассасываются, и Беньковский через тридцать минут подкатил свою приятельницу к подъезду. Отмеченный им «Жигуленок» припарковался поодаль.

– Приехали, моя дорогая.

– Господи, как не хочется с тобой расставаться. И почему я должна идти к Хромову, когда люблю тебя... – Печально сообщила неверная жена, нехотя покидая «Лендровер».

– Глупо произносить ненужные слова. Всегда хорошо быть не может. – Оборвал ее любовник. Лилия виновато улыбнулась и понуро пошла к парадному. Внезапно остановилась, оглянулась, боясь, что Беньковский уедет, подбежала к машине:

– Андрон, у меня сделалось тяжело на сердце. Подожди. Если я через десять минут не спущусь – уедешь.

Он кивнул, посмотрел на часы и проводил Лилию до парадного. В машину не вернулся, а пошел, приволакивая правую ногу, по тротуару назад. В «Жигуленке» сидел водитель. Андрон Михайлович постучал в окно. Водитель опустил стекло и вопросительно оглядел Беньковского. Беньковский тоже не без любопытства изучил парня. Причем один его глаз фиксировал лицо, а другой отметил торчащие над рулем коленки. Водитель был верзилой и едва уместил ноги в машине.

– Молодой человек, вы не первый день трогательно и настойчиво меня сопровождаете. Боюсь, что причиняю вам множество неудобств своими передвижениями. Записывайте.

– Что я должен записывать? – Поинтересовался водитель и покраснел.

– Мое расписание на завтра. В девять я еду в Государственный архив и буду там сидеть три часа. Вы вполне можете использовать это время по своему усмотрению. Затем, я обедаю в «Берлине». После обеда домой. В семь отправлюсь в консерваторию с пожилой дамой, за которой заеду на Новослободскую. После концерта отвезу ее и вернусь к себе. Вы, почему не записываете?

– Я запомню, у меня хорошая память.

Беньковский усмехнулся и пошел назад. Пять минут из десяти, о которых просила Лилия, истекли. Он уселся за руль и включил приемник. Передавали новости. Андрон Михайлович слушал, скрестив руки на руле, и опустив на них голову. Одним глазом он видел светящуюся шкалу приемника, другим косил на дверь, за которой скрылась Лилия. Водитель «Жигулей» его больше не интересовал. Новости заканчивались прогнозом погоды. К прогнозу Беньковский не прислушивался. Ему было все равно, пойдет дождик или нет. Но дождя не обещали. Стрелка на циферблате приблизилась к половине одиннадцатого. Он повернул ключ зажигания и увидел Лилию. Женщина бежала к нему. Лицо ее исказилось и сделалось некрасивым:

– Андрон, он застрелился...

– Кто застрелился? – Высунул голову Андрон Михайлович.

– Хромов застрелился.

– Скотина, денег пожалел. – Проворчал Беньковский и раскрыл перед вновь испеченной вдовой дверцу машины.

* * *

– ...Послухай, Григорий, ты же не поверишь... В соседнем шопе такой же пинджак висел вдвое дешевле. Тоже из кожи, и примочки один к одному.

– А чему ты дывишься, Гена? Турки все жулики и гады... Оне как цыгане...

Надя намазалась кремом, перевернулась на спину, поморщившись от диалога соседей по пляжу. Те изъяснялись на южнорусском диалекте с особым произношением буквы «Г».

– Петя, мы в Турции или в Житомире? – Тихо спросила она Ерожина, когда тот вышел из моря.

– Мы в Турции, Надя.

– Тогда где турки?

– Наденька, турки нас обслуживают. Обслуживают хорошо, поэтому и не заметны. А наш отель населяют россияне и немцы. Их ты и слышишь. Наслаждайся морем и не обращай внимания...

Не смотря на середину сентября, море на курортах Анталии оставалось по-летнему теплым, и Ерожин с Надей по полдня проводили на пляже. Оба любили плавать, и оба несколько лет вместе не отдыхали. Надя с детьми иногда ездила к Алексею Ростопкскому под Самару, а Петр Григорьевич, вернувшись на казенную службу, отпусков второе лето не брал. Было не до отдыха. Отдел по раскрытию убийств без работы не оставался. Ерожин пропадал на Петровке и по выходным. Наконец, Надя не выдержала: «Сколько можно вкалывать?! Ты себя уморишь и нас с ребятами заодно». И супруг двинул к начальству с заявлением. Генерал Ермолин выругался, после чего, прошение об отпуске подписал – и вот они на пляже.

– Ты не хочешь посмотреть, чем занимаются твои наследники? – Сменила тему Надя, поднимаясь с песка. Видно, ответ Ерожина о турках показался ей исчерпывающим.

– А ты куда собралась?

– Я в море. Надоело слушать соотечественников. От этого «Г» я уже на стенку лезу... Проверь, как там ребята.

– Чего проверять, в бассейне плещутся. – Ответил Ерожин, но к бассейну все же побрел. Ваня и Леночка сражались с огромной надувной черепахой, пытаясь взгромоздиться на нее. Двоих черепаха не выдерживала, и дети скатывались в воду. Еще несколько ребят расстреливали друг друга из водяных пистолетов. Все дети пребывали в состоянии полного восторга. За играми наблюдал специальный служащий из команды аниматоров, и беспокоиться за детей повода не было. Ерожин хотел вернуться на пляж, но тут к нему подошел маленький худощавый турок неопределенного возраста и назвал по фамилии.

– Да, господин Ерожин – это я. – Ответил Петр Григорьевич и стал ждать объяснений.

Турок на вполне сносном русском языке поведал, что в администрацию отеля несколько раз звонили из Москвы и просили найти господина Ерожина. Через полчаса станут звонить снова:

– Не будет ли господин Ерожин так любезен, вернуться в номер и подождать звонка. Телефонист отеля соединит московского абонента с номером гостя...

– Хорошо, я предупрежу жену и пойду в номер. Спасибо.

– Не надо беспокоиться. Я сам предупрежу госпожу Надию, что вы в номере. – Белозубо улыбнулся смуглый служащий и побежал к пляжу.

Ерожин, покачив головой, зашагал к зданию:

– Турок в курсе, как зовут мою жену... А я его, мне кажется, вижу в первый раз. Или я вообще их не отличаю. А я же мент, должен был бы в лицах obsługi разобраться...

Поднявшись на второй этаж, он открыл ключом свои апартаменты, и вошел. Кондиционер создавал прохладу, но прохлада эта отдавала мертвечиной. Аппарат гнал злой химический холод. Петр поморщился, распахнул окно, дверь на балкон и, зачем-то надев брюки с рубашкой, уселся у телефона. Телефон не звонил. Чтобы убить время он включил пультом телевизор. Турки показывали какую-то программу, вроде наших посиделок с ведущим. Но говорили по-турецки, и смотреть было неинтересно. Ерожин пощелкал кнопки и нашел израильский канал с фильмом на русском языке. Фильм уже кончился, но Петр Григорьевич не стал больше искать. Он смотрел на экран, а думал, кто и зачем его вызванивает. Скорее всего, очередное громкое убийство и начальство потребует прервать отпуск. Деваться некуда, он человек службы и придется лететь в Москву. От этого было грустно. Они получили путевку с большой скидкой. После сентября наплыв отдыхающих резко сокращался, и отели заманивали низкими ценами. На будущий год ребята пойдут в школу, и в сентябре с ними не отдохнешь... А море здесь по-летнему теплое, обильная, вполне сносная еда и возможность мило бездельничать. Надя быстро и красиво загорала. Загар оттенял ее белые волосы и делал похожей на модель из журнала. На них тут оглядывались и мужчины, и женщины. И те, и другие с завистью. Мужчины завидовали Ерожину, что у него такая обворожительная молодая жена, а женщины – Наде. Ерожин, подзагорев, тоже хорошел и превращался в плейбоя. Возраст только придавал его широкоплечей спортивной фигуре дополнительный шарм.

Телефон издал мелодичный перезвон, но Петр от неожиданности вздрогнул. За размышлениями звонок застал его врасплох.

– Петр Григорьевич, как хорошо, что вы нашлись...

– Глеб?! Что случилось? – узнал он голос свояка и бывшего помощника, а ныне директора сысского бюро, Глеба Михеева.

– Петр Григорьевич, я оказался в очень странном положении и не знаю, как быть. Клиент, заказавший нам расследование, покончил жизнь самоубийством.

– Тебя беспокоит, что он не расплатился? – Предположил Ерожин.

– Нет, он заплатил вперед.

– Тогда в чем дело?

– Во-первых, я не уверен, что Хромов застрелился сам. Во-вторых, кажется, из охотника я сам превращаюсь в дичь. Поверьте, впервые в жизни я испытал нечто вроде страха.

– Ты? – Ерожин искренне удивился. Напугать двухметрового Глеба до этого никому не удавалось: – Тебе угрожают?

– Мне никто не угрожает. Но я везде чувствую его присутствие.

– Чье присутствие? Застрелившегося клиента? – В голосе Петра послышалась нотка раздражения.

– Нет, Хромов тут ни причем. Я говорю о Беньковском. Это за ним я несколько дней следил. Беньковский спал с женой клиента. И не только с ней. Вы не представляете, такой урод, а бабы на него вешаются.

– Этим он тебя и напугал? – Усмехнулся Петр Григорьевич.

– Дело не в бабах. Беньковский страшный человек. Мне вас очень не хватает.

– Ты хочешь, чтобы я прервал отпуск и вылетел с семьей в Москву, дабы спасти тебя от любвеобильного урода? Я правильно понял?

– Нет, Петр Григорьевич, отдыхайте, только дольше не задерживайтесь. – Жалобно попросил бывший помощник.

– Дольше меня никто держать не станет. Тут все четко... Передавай привет Любе и не вешай носа. А если надо посоветоваться, иди к Грыжину. Генерал мужик опытный. Вы же вместе работаете.

– Иван Григорьевич рядом. Даю ему трубку.

– Петро, тут и впрямь кисло. Твой родственничек вляпался в неприятную историю. Ты там не тяни. Боюсь, без тебя запутаемся. – Бас Грыжина не выражал оптимизма.

Ерожин обещал не задерживаться, и дал отбой. Закончив разговор, он завалился на постель. Последние несколько дней он вовсе не вспоминал о Москве. После звонка мысли о столичной жизни вернулись... В своем частном бюро он уже второй год дел не вел. Дав обещание начальству не совмещать государеву службу с частным бизнесом, подполковник слово держал. В бюро работали Глеб с отставным генералом Грыжиным. Иван Григорьевич ушел на пенсию с поста заместителя министра МВД, и не без его участия Ерожин свое бюро тогда открыл. Сменив Боброва на посту начальника отдела по раскрытию убийств, Петр честно и много работал за гораздо меньшие деньги, чем до казенной службы. Теперь приходилось пускаться на жизнь сбережения. До денег он жаден не был, а, не чувствуя себя стариком, нагрузок не боялся. Наоборот, напряженная работа держала в форме. Только семья от этого страдала. Домой являлся к ночи. На жену и детей ни сил, ни времени не оставалось. Надя один раз грустно сказала:

– Я состарюсь, а ты даже не заметишь. Потом заметишь и подумаешь, зачем тебе старая жена.

Он тогда ответил, что она говорит глупости. Но после этого разговора подал рапорт об отставке. Тимофей Волков, по его мнению, вполне созрел для руководства отделом, и Петр мог бы вернуться в свое бюро. Но начальство просило до конца года доработать. Вот он и дорабатывал...

– Оказывается, ты уединился в номер, чтобы завалиться в одежде на постель. – Заметила Надя, сбрасывая халатик и переодеваясь из купальника к ужину. За размышлениями Ерожин приход супруги прозевал. Но процесс переодевания жены его отвлек и настроил совсем на другой лад.

– А если дети придут? – Не слишком упорно отбивалась Надя. Петр мельком взглянул на часы:

– Не придут. Они на детском ужине. А от картошки фри с кетчупом их не оторвать...

Ерожин наслаждался близостью с женой, но Надя все же подметила, что супруг чем-то озабочен.

– Ты сегодня, как в Москве, спишь со мной, а думаешь о своем... – Невесело сообщила жена из ванной.

– Глеб из Москвы звонил... – Виновато признался Ерожин.

Надя выпрыгнула из-под душа и вбежала в комнату:

– Что-нибудь случилось?

– У него заморочки в бюро. Просит, чтобы мы не задерживались. Нужна моя помощь.

– А дяди Вани ему мало?

– Грыжин был у телефона. Они оба раскисли...

– И ты надумал сорваться в Москву? – Надя не могла скрыть огорчения.

– Нет, доживем спокойно.

– Тогда давай в душ и пошли ужинать. – Сразу повеселела супруга.

Часть ресторана отеля находилась на берегу моря. Вечер стоял теплый, и Ерожины решили ужинать на воздухе. После картошки фри Ванечку и Леночку вели на детскую дискотеку, и супруги получали возможность посидеть вдвоем.

– До чего же классно тут все налажено. И дети при деле, и мы можем расслабиться. – Улыбнулась Надя, накладывая в тарелки овощи. Отдыхающие обходили длинные ряды «шведских столов» и сами выбирали себе трапезу. Ерожиным повезло, столик у самого моря занять не успели. Петр прошествовал к бочкам и вернулся с двумя бокалами молодого местного вина.

– Ну, что, Надюх, ты довольна? – Подмигнул Ерожин, поднимая бокал: – Выпьем за нас. Мы же первый раз за границей.

Они выпили. За соседним столиком компания из трех пожилых немцев сосредоточенно поглощала ужин, запивая сосиски пивом.

– Смотри, столько разной еды, а они каждый день и на завтрак и на ужин лопают сосиски. – Кивнула на соседей Надя.

– Они же немцы. – Улыбнулся Петр: – Им положено. Так ты не ответила?

– Конечно, довольна, Петенька. Мы же впервые по-человечески отдыхаем. Посуду мыть не надо, море чистое, дети под присмотром. Все как в сказке. Я даже не знала, что такое бывает. Думала только в кино, когда артисты богачей изображают.

– Наденька, здесь богачей нет. Это все... – Он обвел взглядом соседние столики: – Это все средний класс. И мы туда попали...

– Не говори так. Слишком уныло звучит. – Сморщила носик Надя и принялась за ужин, Петр последовал ее примеру. Оба от купания и любви изрядно проголодались, но поняли это только сейчас.

– Что же приключилось у Глеба? – Вспомнила за десертом Надя.

– Его напугал бабник-урод. – Усмехнулся Петр.

– Глеба напугал? – Надя вскинула бровь: – Ты серьезно?

– Вполне. Он поэтому и звонил.

– Чудно. Я думала, что Глеб ничего не боится. Он такой здоровый бугай и никогда не трусил. Помнишь, как он приволок на плечах прямо в бюро двух уголовников? Я при виде каждого от страха бы дрожала. А он двоих, как овец... А тут бабника испугался. И почему бабник – урод?

– Я не слишком в курсе. А урод, видно, от природы... – Развел руками Ерожин: – Тебе нравятся уроды?

– Судя по тебе, не очень. Но если честно, я влюбилась в тебя вовсе не от твоей неотразимой внешности.

– За неотразимую внешность спасибо. Так чем же я тебя приманил?

– Помнишь, когда у сестры на свадьбе ты меня танцевать пригласил. Ты меня взял, и я в твоих руках почувствовала себя такой маленькой и беззащитной, и так мне от этого стало удивительно хорошо, что я больше ни о ком думать не могла. Словами этого не объяснишь...

– Да, женщины народ загадочный.

– Это для тебя загадочный? – Ехидно поинтересовалась Надя.

– Для меня в том числе. И не надо иронии. Я уже много лет ни на кого не смотрю и чист, как ангел. – Искренне возразил супруг.

– Насчет «не смотрю» не будем. Ты здесь всех девчонок давно разглядел, да и они тебя тоже. Я с тебя глаз не спускаю, а то бы ты показал ангела... – Засмеялась Надя, но ее темные глаза смотрели на мужа серьезно...

* * *

Беньковский сидел в кабинете, положив ногу на ногу, и Волков не мог заставить себя отвести взгляд от его башмаков. Правый был на несколько номеров меньше левого.

– Итак, вы подъехали с вашей приятельницей к ее дому. Почему не поднялись вместе с ней в квартиру? – Майор, справившись с притяжением башмака, продолжил допрос свидетеля.

Беньковский скривил выпяченную нижнюю губу в гаденькой улыбке:

– Если вы спите с замужней женщиной, вовсе не обязательно сдавать ее мужу с рук на руки. Вам так не кажется, молодой человек?

– У меня нет подобного опыта. – Наивно признался Тимофей и, спохватившись, зло выпалил: – Вопросы здесь задаю я.

– Я и ответил...

- Тогда почему не уехали сразу, а остались в машине у подъезда?
- Лиля просила подождать ее десять минут.
- Чем она мотивировала свою просьбу?
- Плохим предчувствием. Сказала, что у нее нехорошо на сердце.
- Она отсутствовала ровно десять минут?
- Да, ровно десять минут.
- Откуда такая точность?
- Я смотрел на часы. В десять тридцать она вышла.
- Вы все десять минут не покидали машины? Подождите. – В магнитофоне закончилась пленка, и Волков сменил кассету: – Можете отвечать.
- Нет, в машине я сидел меньше. Несколько минут ушло на разговор с вашим сотрудником. Вы сами об этом должны знать. – Беньковский вяло ухмыльнулся, и один его глаз уставился на Волкова.
- Тимофей заставил себя выдержать паузу, не отводя взгляда:
- О ком вы говорите? Наши сотрудники приехали после вашего звонка. Это ведь вы вызвали милицию?
- Да. Я сделал это по просьбе Лили. Моя приятельница была слишком взволнована, чтобы членораздельно сообщить о случившемся.
- А у вас нервы крепкие?
- Не жалуюсь.
- Вы поднялись и что увидели?
- Мертвого Хромова с простреленной головой.
- В какой позе он находился?
- В той, в которой его застала милиция.
- Кровь из виска капала?
- Этого я сказать не могу. На труп я старался смотреть поменьше.
- У вас же крепкие нервы?
- Нервы здесь ни при чем. Мне физически неприятен вид крови. Думаю, я тут не одинок...
- Вернемся к вашей встрече у подъезда. Расскажите подробнее о так называемом сотруднике.
- Что вы хотите услышать?
- Все, что вы знаете.
- За неделю до инцидента я заметил слежку.
- Инцидентом вы называете гибель Хромова? – Уточнил Тимофей.
- Именно так.
- Продолжайте.
- Кто-то на стареньких «Жигулях» с номером А 697 СТП сопровождал меня во всех моих передвижениях по городу. В тот вечер, воспользовавшись тем, что пришлось ждать Лилу, я подошел к парню, и сообщил ему свои маршруты на следующий день.
- Зачем вы это сделали? – Удивился Волков.
- Господин следователь, я ценю свое время и ценю время других. Если ему приказано за мной шпионить, пусть имеет мое расписание...
- Вы странный человек, Беньковский. Шпионить, как вы выразились, за вами мы никого не посылали.
- Не уверен. Люди ФСБ делали бы это не столь примитивно, да и «Жигулей» такой степени изношенности им не найти...
- Хорошо, что вы запомнили номер, мы проверим и найдем владельца машины.

– Зачем искать. Я выяснил. Это Глеб Фролович Михеев. Проживает на Чертановской улице. Вот его адрес. Беньковский извлек из кармана бумажный квадратик, оторвал желтый листок и прилепил его на стол перед носом Волкова.

– Как вам это удалось? – Изумился Тимофей.

– Люди, которые мной интересуются, интересны и мне. А о способах добычи информации я сообщать воздержусь. Это мое личное дело.

– Если не секрет, чем вы занимаетесь?

– Я работаю с архивами. Подробный рассказ о моей деятельности вас утомит, да и отношение к данному делу не имеет...

– Поживем – увидим... Расскажите, что произошло после беседы с Глебом Михеевым?

– Я вернулся в машину, через несколько минут, поглядев на часы, собрался уезжать. В десять тридцать выбежала Лиля и закричала, что муж застрелился. Мы вместе поднялись в квартиру, и я позвонил в милицию.

– Вы сразу поднялись?

– Нет, как я уже говорил, женщина находилась в некотором стрессе и немного побыла в машине. Не больше трех-четырех минут.

– Вам нечего добавить? – Механически спросил Волков и, не дожидаясь ответа, выключил магнитофон: – Спасибо, Андрон Михайлович. Возможно, мне придется еще раз вас побеспокоить.

– А чем я вас могу интересовать, господин следователь? Все что я знал, теперь знаете и вы.

– Вы же не скрываете, что являлись любовником жены Хромова, а это мотив для убийства. Вот почему наши встречи могут продолжиться. – Спокойно возразил майор.

– Приятно слышать. Но учтите, я закоренелый холостяк. Встречаться с замужней дамой или вдовой, как говорят в Одессе, две большие разницы. Кроме осложнений, поступок Хромова мне ничего не сулит. Лилия теперь схватит меня мертвой хваткой.

– Ваша личная жизнь мне глубоко безразлична. Дайте ваш пропуск.

Проводив взглядом привлекающего ногу свидетеля и дождавшись, когда за ним закроется дверь, Волков с облегчением вздохнул. От общества гражданина Беньковского он устал. Свидетель оставлял шлейф сложных чувств. Майор пытался в них разобраться. У Тимофея существовал в знакомых мужчина с отталкивающей внешностью. Но это был очень милый человек. Узнав его поближе, окружающие про внешность забывали. Здесь случай другой. Общение с Андроном Михайловичем угнетало с каждой минутой все больше. Беньковского не назовешь калекой. Он не красив, даже, можно сказать, уродлив. Но не калека. Калеки у Волкова вызвали сострадание, а Беньковский – отвращение. Однако отрицать, что кабинет посетил умный и не ординарный субъект, Тимофей Волков не мог.

Майор вызвал капитана Маслова и попросил отыскать Глеба:

– Пусть Михеев сегодня заедет. Раз он следил за Беньковским, значит, располагает куда большей информацией об этом типе, чем мы. Как там, капитан, заключения медиков еще нет?

– Нет, но я могу сходить к Сухорукову. Иногда его удается поторопить.

– Не надо, Коля. У меня кроме этого Хромова, дел по горло. Пусть все идет своим чередом. Хорошо бы пощупать вдову. Она последние десять минут провела с мужем наедине, а любовник сидел внизу в машине...

– За десять минут вполне сама могла ухлопать мужа. – Ухмыльнулся Маслов.

– Я думал об этом.

– Вызвать ее?

– Пока не надо. Я не готов к допросу. Прижать нечем... Успеется. Появится медицинское заключение, тогда и побеседуем. Что там у нас по кабаку в Планерной? Шесть трупов пора на кого-то вешать.

– Работаем, товарищ майор. Когда Петр Григорьевич вернется из отпуска, будет что доложить...

* * *

Беньковский, покинув кабинет следователя Волкова, вышел на лестницу и, сильно привлекая ногу, стал спускаться. В середине пролета он чуть не столкнулся с молодой сотрудницей, одетой в белый халат поверх милицейской формы. Столкновения они избежали в последний момент, но девушка успела что-то сунуть Беньковскому в руку. Преодолев пролет, Андрон Михайлович решил воспользоваться лифтом. Следующие два этажа его спускала кабина. В вестибюле, не выходя на улицу, он сделал несколько звонков по мобильному телефону. Затем спрятал трубку в карман и быстро зашагал к машине. На улице походка у него сделалась тверже, и ногу он привлекал едва заметно. Возле «Лендровера» Андрона Михайловича поджидал человек небольшого роста в черной кожаной курточке с аккуратной лысенькой на темечке. Его мелкие черты выстраивались в жалобную мину. При виде Беньковского, выражение не изменилось.

– Лаврентий, почему у тебя всегда такое лицо, будто ты хочешь писать, или какать? – Поинтересовался Андрон Михайлович, пультом отмыкая замки машины: – Принес?

Человек не ответил, порывшись в карманах и передал Беньковскому клочок бумаги. Беньковский сел за руль, кнопкой опустил окно. Открыв бумажник, вынул двести долларов и протянул своему корреспонденту. Тот молниеносно спрятал деньги во внутренний карман курточки и исчез с тем же жалобным выражением.

Прокатив по бульварному кольцу, Беньковский свернул на Бронную и припарковался возле китайского ресторанчика. В дневное время в зале большинство столиков пустовало. У окна изучала меню молодая красивая блондинка. Новый посетитель, заметно прихрамывая, подошел к ее столику:

– Вы разрешите откусать с вами. Терпеть не могу трапезу в одиночестве. За общение с красотой все ваше меню за мой счет...

Молодая женщина подняла голову и оглядела Беньковского. Вся гамма чувств моментально отразилась на ее личике. Ужас и отвращение сменились холодным вопросом. Пауза затянулась.

– Не волнуйтесь. С моей внешностью за красивыми женщинами не ухлестывают, и совместный обед для вас останется без всяких последствий. – Добавил странный незнакомец.

В глазах блондинки промелькнуло любопытство, и взгляд потеплел.

Беньковский аккуратно уселся напротив и взял меню.

– Я тут первый раз и понятия не имею, что можно есть. Не дай Бог, принесут змею. – Пожаловалась незнакомка.

– У китайцев древняя культура и прекрасная кухня. Они изобрели порох, шелк и сою. Могу посоветовать вырезку с грибами и судака в кисло-сладком соусе. Для первого опыта вполне щадящее меню... – Тонем учителя начальной школы преподавал урок Беньковский.

– А что с этим можно пить? – Оживилась блондинка.

– Пиво или рисовую водку. Но их водка, честно говоря, большая гадость. Я предпочитаю пиво.

– Тогда я тоже. – Первая с момента встречи улыбка озарила лицо молодой женщины. Беньковский нагло в упор разглядывал свою визави. Он мог это делать спокойно, поскольку понять, куда смотрят его глаза, поначалу не удавалось никому. Блондинка имела прямой, чуть вздернутый носик, манящие ямочки по углам губ и темные зеленые глаза. Беньковский считал зеленоглазых женщин ведьмами и питал к ним слабость. Одевалась блондинка явно в дорогих магазинах. Лайковая, выделанная под леопарда курточка, тяжелого шелка юбка и туфельки с

длинным по моде носком тянули на годовую зарплату учителя. Одна сумочка из такой же, как куртка, лайки стоила долларов пятьсот. Беньковский в тряпках хорошо разбирался и оценил наряд блондинки достаточно точно.

Еду принесли быстро, и Андрон Михайлович смог еще раз помочь сотрапезнице правильно с ней распорядиться. Ели молча.

– Меня зовут Андрон Михайлович. – Представился Беньковский, покончив с первым блюдом: – Это так, на всякий случай для удобства.

– А меня Светой.

– Очень приятно, Светлана. У вас и имя красивое. Жалко, что ваш обожатель находит для вас так мало времени. Вы заслуживаете большего. – Заверил он, вытирая рот салфеткой.

Светлана вскинула голову и удивленно просмотрела на собеседника: – Откуда вы знаете? Мы с вами встречались?

– Нет, но я могу рассказать про вас довольно много. Не думайте, справок я не наводил и вижу вас впервые. Давно живу на свете и обладаю наблюдательностью.

– Ой, тогда расскажите мне про меня. Я ужасно любопытная.

– С удовольствием. Вы разрешите закурить?

Светлана кивнула. Беньковский извлек из пиджака золотой портсигар, достал маленькую сигару и посмотрел по сторонам. К нему подскочил бармен и щелкнул зажигалкой. В это время в кармане Беньковского зазвонил телефон. Он достал его, не спеша затянулся и, попросив прощения у Светланы, встал из-за стола. Пока он отсутствовал, к ней подошел молоденький официант в национальном китайском костюме. Его курносое конопатое лицо в этой одежде не могло не вызвать улыбку.

– Простите, меня, мадам. Но вы так поставили машину, что наш экспедитор не может сгрузить продукты. Если позволите, я сам ее перегоню. Но если не доверяете...

– Доверяю. – Отмахнулась Светлана, открыла сумку и выбросила на стол связку ключей: – Разберетесь?

– Не беспокойтесь. Наши клиенты мне всегда доверяют свои авто. Я люблю машины. – На бегу заверил «китаец» и, и чуть не столкнувшись с Беньковским, скрылся за дверью. Андрон Михайлович поговорил по телефону и возвращался на свое место.

– Вы меня заинтриговали и исчезли... Это нечестно. Сейчас же рассказывайте. – Подетски нетерпеливо потребовала женщина.

– Простите, больше не буду... Вы замужем лет пять. У вас один ребенок. Муж богат, но очень занят, и вы не уверены в его верности. Прямого повода уличить супруга в измене вы не имели, но его частые отъезды и ночные приходы вызывают у вас подозрения. Муж позволяет вам развлекаться без него. Он не скуп и денег на вас не жалеет. А вот, с вниманием дело обстоит хуже. – Беньковский затянулся сигаркой и замолчал.

– Вы колдун? Продолжайте, пожалуйста. – Зрачки Светланы расширились. Пытаясь зафиксировать взгляд Беньковского, она, затаив дыхание, ловила каждое слово. Внешность собеседника молодую женщину больше не пугала.

– Я почти все сказал. Могу лишь добавить – вы не москвичка. Своих друзей в столице не завели. А с женами друзей мужа особой близости не получилось...

– Ваши ключи, мадам. – Возник кудрявый официант.

– Положи и не мешай – Светлана, убирала ключи в сумку и, извинившись за невольную паузу, потребовала продолжения: – Дальше пожалуйста.

– Дальше расскажите мне сами. – Улыбнулся Андрон Михайлович: – Вам же некому выговориться. Я уйду, и мы больше не увидимся. У вас прекрасная возможность излить душу, а у меня насладиться за это время вашей красотой...

Светлана задумалась, бросила несколько тревожных взглядов на нового знакомого, как бы решая, воспользоваться его предложением или нет. И решилась.

– Сначала все было как в сказке. Тема все для меня делал, и мы жили как в раю. Каждый вечер или театр, или ресторан. Я, и вправду, не москвичка. Я родилась и выросла в Калининграде. Я с Балтики...

Через час Беньковский знал всю историю молодой женщины. Знал он, и как состоялось ее знакомство с Темой. Бизнесмен посетил ее родной город, у него там что-то не сложилось. Теме пришлось прятаться. Он снял для этого часть дома бабушки Светланы. Там они и познакомились. Тема опасался выходить на улицу, и они часами находились вместе, то гуляя по саду, то сидя возле горящего камина. Дед почти не выходил из своей комнаты, поэтому роман развивался бурно. Потом приехали его друзья и телохранители. Тема улетел в Москву. А через месяц к Светлане в дверь позвонил молодой человек и представился секретарем возлюбленного. Он забрал ее паспорт и через час явился с билетами на самолет. Светлана прилетела в Москву, и они поженились. До рождения ребенка молодая женщина была счастлива. Став матерью, она заметила, что интерес мужа быстро угасает. Он все больше времени уделял делам и все меньше ей. Беньковский внимательно слушал, иногда интересовался подробностями. Получив ответ, участливо кивал головой.

– Сейчас, Андрон, все обстоит так, как вы и сказали. – Закончила рассказ Светлана, впервые назвав Беньковского по имени: – Но как вы догадались? Неужели я произвожу столь жалостное впечатление.

– Вы производите впечатление неприступной красавицы.

– Да, я мужу не изменяю.

– А разве я утверждал обратное? К сожалению, мне пора. Очень жалко с вами расстаться, но я назначил встречу, и если кроме своей отталкивающей внешности стану брехуном, мое дело дрянь.

– У вас вовсе не отталкивающая внешность. И вообще, какая разница? Для мужчины внешность не главное.

– Но ваш Тема, наверняка, красавчик?

– Да, Тема представительный парень. Ну, что мне от этого? Лишний повод для ревности.

Беньковский подозвал официанта и расплатился за двоих: – Вы вправе еще посидеть. – Посоветовал он Светлане: – Тут подают восточные сладости, вам может понравиться.

– Нет, я тоже пойду. Я на машине и могу вас подвезти. Должна же я чем-то расплатиться за обед?

– Вы уже расплатились, тем что выдержали такого неприятного соседа.

– Оставьте свою внешность в покое. Если хотите, я с удовольствием пообедаю с вами еще раз. Так подвезти вас?

– Спасибо, Светланочка, но я сам на машине и подвозить меня не надо. А пообедаю с вами с удовольствием. Вы еще ничего не рассказали мне о ребенке. А детей я люблю... Вот мой телефон. Надумаете, звоните. Сам я навязывать свою персону не могу. – Он протянул визитку, подвел Свету к спортивной немецкой машине, дождался, пока она устроится за рулем, хлопнул за ней дверцу и пошел к своему «Ленд Роверу». Молодая женщина не без любопытства осмотрела авто Беньковского. Тронулись они вместе. Андрон Михайлович галантно разрешил Светлане выехать первой и вырулил на улицу. На Никитской площади они разъехались в разные стороны. У первого светофора долгоносый водитель извлек электронную записную книжку и занес туда номер спортивной машины своей новой знакомой. А у следующего уже звонил по мобильному:

– Лаврентий, быстро найди мне хозяина спортивного БМВ А 524 ЮГД. Если машина записана на фирму, выясни имя ее владельца. К вечеру я хочу владеть информацией.

Светофор переключился на зеленый, и сзади раздались сигналы раздраженных водителей. Беньковский скривил губу в гаденькую улыбку, не спеша убрал телефон, и тронул с места.

* * *

В офисе на Чистых прудах стояла унылая тишина. Медная табличка над парадным сообщала – «ПЕТР и К. ЧАСТНОЕ СЫСКОЕ БЮРО» Но сам Петр Григорьевич последние два года здесь почти не бывал. Глеб Михеев, приняв на себя директорство, стал мастером на все руки. Он сам занимался расследованиями, сам принимал заказы, сам решал, как поступить. Генерал Грыжин вел бухгалтерию и выдавал зарплату. Конечно, советы бывшего замминистра Глебу помогали. Да и связи отставного генерала могли при случае выручить. Но Михеев старался таких случаев не допускать. Он заочно заканчивал юридический факультет и уже был в состоянии обходить острые углы.

В скучную тишину кабинета врезался резкий звон телефона. Глеб снял трубку и услышал голос Николая Маслова. Тот просил приехать на Петровку в связи с делом о самоубийстве Хромова.: – С вами срочно хочет поговорить майор Волков.

– Хорошо, Коля, сейчас приеду. Выпишите мне пропуск. – Ответил Глеб и пошел в соседний кабинет к Ивану Григорьевичу Грыжину.

Михеев понимал, что Петровку, в связи с самоубийством Хромова, не обойти, но хотел дождаться Ерожина. Майора Волкова, Глеб знал и относился к нему с уважением. Это был упорный профессионал с головой на плечах. Но Ерожин совсем другое дело. Кроме того, что Петр Григорьевич стал первым наставником Глеба по сыску, он еще приходился Михееву родственником. Они были женаты на сестрах. Но дождаться подполковника не удалось. Звонок Маслова прозвенел на два дня раньше, чем Ерожин собирался появиться в Москве.

– Иван Григорьевич, они звонили. Я должен ехать. – Сообщил он Грыжину. Старик сидел за компьютером, и что-то печатал одним пальцем.

– Выкладывай им все. – Посоветовал он, сдвинув на лоб очки.

– Совсем все? Может, разумнее дождаться Ерожина?

– Совсем все. Иначе потом запутаемся. – Упрямо повторил генерал и снова уткнулся в компьютер. Глеб кивнул, вышел на улицу, втиснулся в своего «Жигуленка», и попытался вырулить на проезжую часть. Но бульварное кольцо стояло. Автомобильная пробка тянулась от Трубной площади до Арбата. Машины двигались рывками, по пять-десять метров. Иногда замирали надолго. Михеев стал думать о ситуации, в которую попал. Ее предстояло толково выложить майору Волкову.

История началась с обычного звонка. В бюро позвонил мужчина и попросил о встрече. Ехать в офис клиент остерегался. Они встретились на площади Маяковского в странном кафе, больше напоминающем вокзал, чем заведение в центре столицы. Непонятно было, кто и зачем там собирается. За столиками Глеб еды или выпивки не обнаружил. Люди, свалив верхнюю одежду на кресла, стоя читали прессу, звонили по мобильным телефонам, расхаживали по залу, а вовсе не отдыхали, как подобает в кафе. Глеб условился, что будет держать в руках журнал «7 дней», и описал свой рост. Спутать каланчу Михеева было сложно, и Хромов подошел сразу. Это был красивый высокий мужчина с глазами затравленного зайца. Перед тем как начать разговор, он долго озирался по сторонам и быстро вывел Глеба на улицу.

Глеб вздрогнул от стука в окно. Борода из «Москвича», застрявшего в соседнем ряду, требовал зажигалку. Михеев дал прикурить и снова углубился в воспоминания. Беседовали они тогда в машине Хромова. Беседовали на ходу, потому что стоять на месте клиент побаивался. Хромов назвал Беньковского, дал его адрес. Он подозревал, что жена Лилия изменяет ему с этим человеком. Но неверность жены не так волновала Арнольда Хромова, как сам Беньковский. Клиент хотел держать любовника Лили в поле зрения и намекнул, что Беньковский намерен его убить. Глеб спросил, что конкретно он должен сделать. Какую информацию желает получить заказчик. «Если я буду знать, где он находится, мне будет легче». – Ответил Хромов.

Хотя Глебу и показалось, что клиент многого не договаривает, он за работу взялся. Крупных заказов давно не поступало, а Хромов выдал тысячу долларов в аванс и через три дня добавил еще две. Ерожин в тот момент готовился к отъезду в Турцию, в последние дни на работе был страшно занят, и отлавливать Петра Григорьевича Глеб не стал. Теперь об этом жалел. Совет старшего друга мог избавить его от неприятностей.

В первый день ничего особенного не произошло. Глеб дождался объекта у его подъезда. Затем «водил» по городу. Удивило Михеева лишь внешность объекта и красивые женщины, с которыми тот встречался. Глеб окрестил Беньковского Уродом, и уже иначе про себя его не называл. За день Урод повидал трех див. Двух завозил к себе домой. Лили Хромовой среди его пассив в тот день не было. Лилия появилась к вечеру следующего дня. В то же время Глеб заметил, что и за ним следят. Раза два он оторвался, но зеленый «Опель» с затемненными стеклами ждал его возле парадного Беньковского. Имея задание следить за объектом, сам уйти от слежки Михеев не мог. К дому Урода все равно приходилось подъезжать. Под утро Глеб вернулся к себе в Чертаново и понял, что от «Опеля» оторваться не удалось. Теперь неизвестные знали его адрес. Утром он с трудом убедил Любу забрать ребенка и уехать к его родителям под Вологду. Михеев начал опасаться за семью. Он понял, что въехал в чужую игру и не знает ее правил.

Так продолжалось около недели. Глеб следил за Беньковским, и кто-то упорно следил за Глебом. В день самоубийства Хромова Глеб разговаривал с ним по телефону. Михеев связался с Арнольдом по мобильному, сообщил, что Беньковский вышел из государственного архива, где провел два часа, и гонит в сторону дома Хромова, где, скорее всего, заберет Лилию. Глеб вел «Лендровер» по Садовому кольцу. Обычно Беньковский, когда ехал за своей приятельницей или отвозил ее домой, сворачивал на Вернадского. Но сегодня он переехал Крымский мост, вышел из машины и заковылял к антикварному салону в конце Димитровки. Там он пробыл минут сорок. Глеб отзвонил Хромову и предупредил о задержке. Но клиент не стал слушать, а взволнованным голосом попросил срочно его посетить...

Через пятнадцать минут Глеб уже поднимался на пятый этаж и звонил в дверь. Дверь не открывали, и Михеев звонил снова. Но ему так никто и не открыл. Сыщик спустился вниз, сел в своего «Жигуленка», стал раздумывать, как поступить, и увидел Лилию. Жена клиента, оглядываясь по сторонам, спешила к своему подъезду. Не успела она закрыть за собой дверь, как подкатил Беньковский. Через две минуты вышла Лилия. Глеб отследил, как она уселась к любовнику в машину, и тронул за ними. Он довел парочку до дома Беньковского и стал поджидать голубков. Сидя в машине, несколько раз опять отзвонил Арнольду на мобильный, тот по – прежнему не отвечал. Парочка вышла на улицу около десяти. Урод отвез Лилию назад и остался у подъезда. Глеб никак не ожидал, что Беньковский выйдет из машины и с ним заговорит. Вблизи объект выглядел еще отвратительнее. Странное поведение Лили, которая в растрепанном виде выскочила на улицу, Михеева насторожило. Сыщик вернулся к себе домой и не знал, что ему делать. Около двенадцати ночи он решил еще раз позвонить Хромову, но уже по домашнему номеру. К телефону подошла хозяйка. Михеев попросил Арнольда.

«Муж покончил жизнь самоубийством», – ответила Лилия и бросила трубку.

Михеев сам не понял, какую роль сыграл в этой трагедии. Не мог толково объяснить и себе, что хотел от него Хромов и кто следил за ним на зеленом «Опеле». И вот теперь он должен в Управлении выложить всю эту историю майору Волкову.

Сидя в машине, он еще раз пожалел, что Ерожина нет в Москве.

От Чистых прудов до Петровских ворот Глеб полз целый час и до площади еще не добрался. Триста метров до Петровки могли занять еще уйму времени. Он дотянул до первого переулочка, свернул в него, не доезжая до Петровки припарковался, запер машину и зашагал к проходной Управления. Метров за пять до ворот к нему подскочил маленький лысоватый человек в кожаной куртке.

– Глеб Фролович, мне поручено вам кое-что показать... – Лицо незнакомца выражало грустное безразличие.

– Кем поручено? – Михеев инстинктивно нагнулся, чтобы услышать ответ. Голова человека располагалась чуть выше его пупка.

– Это не важно. Тут для вас записка. Но прочесть ее вы сможете из моих рук.

– Ничего я не стану читать, пока не скажете, кто вас послал.

– Дело хозяйское, но получить сообщение в ваших интересах. – Кисло возразил лысоватый и развернул перед носом Михеева лист бумаги.

Глеб увидел крупный шрифт компьютерной распечатки. Текста было немного, и он автоматически его проглядел.

«Медицинская экспертиза утверждает, что смерть Хромова наступила за пять часов до нашего разговора у его дома. Это как раз то время, когда вы посетили погибшего. Таким образом, вы становитесь главным подозреваемым. Советую это обдумать перед допросом.»

Проговорив про себя текст записки несколько раз, Михеев понял, о чем идет речь, и сообразил, кто прислал сообщение. Простояв немного возле проходной, он резко повернулся, и двинулся к машине.

Через полчаса он уже катил по Ярославскому шоссе. Миновав пост у городка «Пушкино», остановился под указателем «Мурманск – 1267. Вологда – 435» и достал мобильный.

– Иван Григорьевич, обстоятельства изменились, и я до приезда Ерожина исчезаю.

Грыжин пытался что-то сказать, но Михеев отключил связь.

* * *

Беньковский возвращался домой в прекрасном расположении духа. Ему уже доложили, что Михеев рванул из Москвы, и тут все шло по его сценарию. А обед со Светланой поднял Андрею Михайловичу тонус. Ее зеленые глаза заставляли чаще и веселей биться сердце. Но выйдя из машины и увидев бегущую к нему Лилю, Беньковский помрачнел. Встретиться с вдовой сегодня он не планировал.

– Почему ты не отвечаешь на мои звонки? Где ты пропадаешь? Я тебя целый день ищу... – Надув губки, выказывала неудовольствие вдова. Но ее пухлые губки сегодня Андрона не волновали.

– Мы же договорились, что я сам тебя найду, когда придет время. Зачем меня искать? – Проворчал он, но дверь перед Лилей распахнул.

– Мы об этом договаривались, пока я была замужняя женщина. Но теперь-то я свободна. – Удивилась Лилия.

– Тем более. У меня есть дела. Я должен зарабатывать на хлеб. Ты сама сказала, что спишь с чудовищем. Тебе не ясно, что терпеть чудовище с деньгами гораздо приятнее, чем без них. Кому нужен бедный урод? – Раздраженно выговаривал Беньковский, погружаясь с дамой в лифт.

– Я же пошутила. – Лилия обняла любовника, пытаясь дотянуться до его губ: – Ты сейчас возьмешь меня?

– Подожди, милая. У меня вовсе не лирический настрой. Да и тебе надо думать не о члене, а о том, как остаться на свободе.

– Ты о чем, Андрончик. – Лилия побледнела и отпрянула в угол кабины.

– Если не понимаешь, объясню. Но сначала давай доберемся до квартиры.

Женщина замолчала и послушно дождалась, пока хозяин впустит ее в прихожую и снимет с нее плащ. Беньковский обул тапочки и скрылся в ванной. Тщательно помыв руки, а это после улицы он делал всегда, Андрон переоделся в халат.

– Сделай нам кофе. – Попросил он, усаживаясь у телевизора.

– Сначала объясни, почему ты меня напугал. – Потребовала Лиля. Глаза у нее оставались тревожными, а щеки бледными.

– Сядь, милая, и слушай.

Лилия присела на краешек тахты. Беньковский выложил на журнальный столик золотой портсигар и закурил.

– Ну, говори же?! – Поторопила Лилия.

– А ты сама не знаешь?

– Нет.

– Разве не ты убила мужа?

– Ты с ума сошел...

– Вот чего мне не грозит, так это помешательство. Мозги – единственная вещь, выданная мне Господом без брака. Поэтому иногда я верю в Бога. Это в тех случаях, когда Он на моей стороне.

– Почему ты меня обвиняешь? Это же страшно.

– Может быть. Но ты убила мужа, хотя ни о чем подобном я тебя не просил. Более того, смерть Арнольда принесла мне убыток.

– Ты, наверное, шутишь?

– Нет, милая, мне вовсе не до шуток. – Зло возразил Беньковский. А убила ты. Теперь мне предстоит тебя отмазать от тюрьмы, а тебе предстоит возместить мне убыток, нанесенный твоими действиями.

– Какими действиями!? А мужа я не убивала. И перестань меня обвинять! Ты же знаешь, что это не так.

– Откуда? Принеси мне деньги, или сядешь.

– У тебя ко мне никогда не было чувства. Ты расчетливый негодяй. – Голос Лилии изменился. Он стал истеричным и злым: – И никто меня не посадит. Когда я могла его убить?!

– Перед поездкой ко мне. А потом разыграла мне сцену с тяжелым предчувствием.

– Андрон, ты мстишь мне за слова в постели. Но я же не хотела тебя обидеть. Я тебя люблю. – Заверила вдова, снова превращаясь в нежную фею.

– Давай пока тему любви сменим. Сегодня меня допрашивал следователь...

– И ты ему сказал, что я убила мужа? – Ужаснулась Лилия.

– Зачем. Я вовсе не желаю лишаться надежды получить гонорар. Ты ведь теперь наследница. Давай договоримся по-деловому. Ты мне деньги, а я подставляю им другого убийцу.

– Я никого не убивала.

– Еще хуже. Сядешь ни за что.

– Как они докажут. Это бред...

Беньковский забросил правую ногу, что была меньше, на левую, затушил сигарку и зыркнул на Лилию одним глазом: – У них на руках медицинская экспертиза – Хромов сидел за столом с простреленной головой к моменту приезда милиции не менее пяти часов.

– Откуда ты знаешь?

– Мне передали бумажку в Управлении. У меня там есть друзья.

– Ну и что это значит? – Дрожащим голосом поинтересовалась Лилия.

– Это значит, что за четыре часа до приезда следственной группы ты выходила из дома, а твой Хромов уже больше часа сидел с простреленной головой. За мной следит частный сыщик, и он зафиксировал время, когда ты села ко мне в машину. Этот парень становится опасным свидетелем. У тебя нет выбора, либо ты платишь мне деньги Хромова и остаешься на свободе, либо... ну сама понимаешь.

– Хромов мертв. Какое теперь имеет значение, что он набедокурил при жизни?

– Ты права, Хромова больше нет. А бумаги, что я собрал, прикроют его фирму и после смерти директора. Ты останешься ни с чем.

– Я тебе не верю. Покажи мне, чего боялся муж. Если у тебя есть доказательства, я подумаю...

Беньковский встал, прошествовал в кабинет, прикрыл за собой дверь и полез в письменный стол. Выдвинув ящик, он запустил туда свою длинную костлявую руку и, ощутив пустоту, изменился в лице.

– Почему ты затих?

Беньковский судорожно выдвигал по очереди все ящики, но нужных бумаг не обнаружил.

– Ничего у тебя нет. Ты блефуешь, Андрон: – Жестко выкрикнула женщина и встала: – Можешь меня не провожать.

– Могу. – Безразличным тоном пробормотал Андрон Михайлович и уселся в кресло. Он слышал, как за Лилей хлопнула входная дверь, но не пошевелился. Так он просидел довольно долго, пока не раздался телефонный звонок. Беньковский снял трубку и услышал голос Светланы.

– Андрон, я решила, что теперь моя очередь пригласить вас на обед. Если не возражаете, завтра в любое удобное для вас время. Я же бездельничаю, мое время много не стоит.

Андрон Михайлович поблагодарил и назначил час и место встречи. После этого наполнил горячую ванную, добавил в нее хвойного экстракта, снял халат и, положив на мраморную тумбочку мобильную трубку, погрузил свои асимметричные члены в воду. Через полчаса позвонил Лаврентий и доложил, что спортивное «БМВ» принадлежит Тимофею Юрьевичу Загорскому, а доверенность выдана Светлане Андреевне Загорской, сроком на три года.

– Стольник за мной. – Пообещал хозяин, отключил связь и продолжил процедуру. Из благоухающей хвоей пены странно возвысилась его сухонькая головка с огромным костистым носом. Косые глубоко посаженные глазки Беньковского прикрылись. Андрон Михайлович думал, куда делись бумаги.

* * *

– И зачем, Маша, мы возвращаемся? – С пафосом воскликнул бородатый сосед с переднего кресла: – Опять этот ужасный город с толкотней и пробками на дорогах. Опять ненужные, пустые дела!

– И что бы ты делал в Турции? Издавал журнал о строительстве небоскребов в зоне вечной мерзлоты? – Не поворачивая головы, ответила сухонькая подруга бородача.

– Зачем!? Ушел бы в горы пасти овец. Так хочется слиться с природой!

– Будешь меньше пить, не захочется. И давай помолчим. Самолет садится, уши болят. – Прозаически оборвала мужа сухонькая Маша.

Огромный, словно дом с крыльями, лайнер плавно коснулся бетона летной полосы. Триста с лишним пассажиров встретили приземление овацией. Так они выражали свою признательность командиру экипажа за благополучное возвращение. Возбуждение от радости сохраненной жизни требовало действия, и как только воздушный гигант прекратил движение, люди вскочили со своих мест и устроили сутолоку в проходах.

– Давай посидим спокойно. – Предложил Ерожин: – Пока трап не подкатят, все равно не выпустят. Зачем зря толкаться?

На Надю аргумент мужа подействовал, но усадить обратно шестилетних Ванечку и Лену родителям не удалось. За несколько часов лету дети намаялись от вынужденного бездействия и теперь выплескивали фонтаны энергии.

– Ваня, Лена, куда вы? – Вопросила Надя, но дети ее не слышали. Они носились по опустевшим креслам, прыгали на них, и мать, вздохнув, решила не обращать внимания.

– Пока самолет закрыт, никуда не денутся. – Успокоил Ерожин и, вынув из сумки впереди себя рекламный проспект, углубился в его изучение.

– Ты думаешь, это надолго? – С тоской в голосе обратилась к нему супруга.

– Есть вещи, которые от нас не зависят. Их надо принимать как данность и не дергаться. – Не отрываясь от проспекта, посоветовал Петр Григорьевич. И был прав. Трап подкатали только через полчаса. Бородатый мечтатель горных пастбищ, вскочивший вместе со всеми, успел сменить несколько платков, вытирая испарину... Но испытания пассажиров на этом не закончились. Из Турции за последний час приземлилось три гиганта. Около тысячи пассажиров скопилось в зале паспортного контроля.

– Ну, сделай что-нибудь. Тут можно проторчать до вечера... Дети не выдержат! – Возмущалась Надя. Ерожин развел руками и пошел в разведку. Через пятнадцать минут он вернулся и сообщил, что рядом имеется совершенно пустой зал, где паспортный контроль проходят иностранцы: – Пойдем, я спекулирую удостоверением, и нас пропустят, как иностранных господ.

Через несколько минут они вышли на площадь и сели в такси.

– Не могу понять? – Возмущалась Надя: – Толпа чиновников бездельничает, а рядом давятся люди. Ведь дети не только у нас! Почему мы сами себя не уважаем?! Ведь в Турции совсем наоборот. Там свои проходят без очереди.

– Помнишь анекдот про нашу Родину? – Философски напомнил Ерожин.

Надя помнила и больше вопросов не задавала.

Петр усмехнулся и достал мобильный телефон:

– Привет, Тимофей, я в Москве. Запарился без начальства? – Надя не слышала, что ответил мужу Волков, но по изменившемуся лицу Ерожина поняла, что отдых закончился.

– Что там у вас опять стряслось? – Спросила она, пристраивая головки детей себе на колени. Выдав все, что у них скопилось за часы полета и ожиданий, в такси дети уснули. Ерожин не отвечал, молча поглядывая в окно.

– Петя, я же тебя спросила. Почему молчишь?

– Ты мне? – Опомнился встревоженный супруг.

– Что там у вас произошло, почему ты сразу ушел в себя?

– Глеб исчез.

– Куда исчез?

– Пока не знаю. Сейчас позвоню Ивану Григорьевичу. – Но позвонить не получилось. Мобильник разрядился, и служить больше не желал: – Надюх, давай сразу в офис, на Чистые пруды. Переговорю с батей, пойму в чем дело и тогда отвезу вас домой. – И заметив материнский взгляд, обращенный на спящих детей, добавил: – Мы их там на креслах уложим. Они выспятся...

В ответ Надя только вздохнула.

Иван Григорьевич вторжению целого семейства не удивился. Он ждал Ерожина и, не случись истории с Глебом, выразил бы радость от встречи менее сдержано. Мужчины оставили маму с детьми в директорском кабинете, а сами уединились в комнатке Грыжина. Узнав от отставного генерала о перипетиях расследования Михеева и его последнем звонке с трассы, Ерожин решил ехать на Петровку и изучить дело о самоубийстве Хромова.

– Ты уж, батя, помоги Надюхе. Я постараюсь недолго. – Попросил он старшего друга и тихо вышел из офиса. Оставшись один, Грыжин осторожно приоткрыл дверь в директорский кабинет и застал все семейство спящим. Надя, пристроив детей на диван, втиснулась рядом и, свесив голову, уснула. Грыжин подвинул к дивану стул, свернул свой плащ, создав нечто вроде подушки, и положил ей под щеку. После чего на цыпочках направился к двери.

– Спасибо, дядя Ваня... – Сквозь сон пробормотала Надя. И когда он уже намеревался закрыть за собой дверь, тихо добавила: – Купи ребятам йогурта. Проснутся, есть запросят.

Иван Григорьевич добыл из шкафа пакет, стараясь не шуметь, защелкнул за собой дверь и отправился в ближайший магазин на Сretenку.

Наде снились пляжи Анталии. Она хотела войти в море, но что-то ей все время мешало. Перезвон селектора заставил спящую женщину подняться, но понять, где она и что происходит, Надя сразу не сумела. Оглядев стены и окно, она, наконец, вспомнила, что находится в офисе сыскного бюро, а мелодичный перезвон – не что иное как сигнал о приходе клиента. Надя сама здесь несколько лет проработала и не раз принимала заказчиков. Она протерла глаза и тихо, чтобы не будить детей, направилась к двери. Открыла и невольно отшатнулась. Перед ней стоял сутулый долговязый мужчина с огромным костистым носом и маленькими глубоко посаженными глазками, которые смотрели в разные стороны. Поймать взгляд незнакомца Наде не удалось.

Оба замерли друг перед другом. Надя, борясь с отвращением, которое внушал визитер, он же, наоборот, онемел от красоты молодой женщины. Смуглая загорелая красавица с пепельно-белыми волосами могла поразить воображение даже Андрона Михайловича Беньковского.

Вернувшись с покупками, Иван Григорьевич в офисе никого не застал. На директорском столе лежала записка. Надя сообщала, что очень милый клиент предложил отвезти их на своей машине домой. Она благодарила Грыжина за заботу и просила не волноваться. Грыжин пожал плечами и убрал купленные продукты в холодильник.

* * *

Увидев загорелого шефа, входящего в свой кабинет, майор Волков с облегчением вздохнул и расплылся в улыбке: – С приездом, Петр Григорьевич...

Волков улыбался редко, и Ерожин невольно отметил, что улыбка превращает майора совсем в другого человека. Они пожали друг другу руки.

– Выкладывай, Тимофей, что натворил мой свояк? – Сходу потребовал Ерожин, указывая заместителю на кресло. Тимофей садиться не стал:

– Не знаю, с чего начать, но все это мне очень не нравится.

– Мне тоже. Я успел поговорить с Иван Григорьевичем Грыжиным. Глеб запутался, но зачем он ушел в бега, я пока не просек. Тащи сюда дело Хромова.

– В деле еще не так много документов. Я могу доложить устно, а потом захотите, знакомьтесь с бумагами.

– Только постарайся короче. Я жену с детьми в офисе оставил...

– Я постараюсь. Арнольд Викторович Хромов имел свою фирму. Эта фирма обслуживала звезд поп культуры. Ее начальный капитал в сто тысяч баксов за три года превратился в полтора миллиона. Шмаков проверил финансовую деятельность фирмы. Нарушения, конечно, он выявил, но они обычные – занижение прибыли, расчеты черным налогом, как у всех. Ни банкротства, ни других неприятностей Хромов не ждал. Поэтому мотив самоубийства на почве профессиональной деятельности отпадает. Арнольд Викторович ушел из жизни преуспевающим дельцом. Сам ли он покончил с собой, или ему помогли, пока не ясно. Из медицинского заключения следует, что Хромов погиб за пять часов до того, как его труп обнаружила супруга. Погиб от выстрела из пистолета «Беретта», сделанного с близкого расстояния. Баллисты заключение еще не принесли, но уже предупредили, что слишком рассчитывать на их помощь нам не стоит. Версию самоубийства они не отрицают, но стопроцентной уверенности у них тоже нет. У меня до черта других забот, и до происшествия с вашим свояком я, честно говоря, большого внимания делу Хромова не уделял. Застрелился человек и застрелился. Не первый и не последний. У нас откровенных убийств висит около двадцати.

– Что говорит супруга? – Перебил Ерожин.

– Тут и начинаются фокусы. Супругу к дому подвез любовник. Кстати, уникальный субъект.

– Иван Григорьевич мне немного об этом рассказал, да и Глеб по телефону. – Усмехнулся подполковник.

– Да, мужчина занятный. Женщины его обожают, а меня после допроса еще часа два тошнило. – Покрился Тимофей, вспоминая встречу с Беньковским.

– Женщины народ занятный. – Улыбнулся Ерожин, вспомнив беседу на эту тему с супругой.

– Так вот, по словам любовника, когда он подвез Хромову домой, она просила не уезжать десять минут.

– Почему именно десять?

– Пояснила, что у нее дурное предчувствие. И ровно через десять минут спустилась с известием, что муж застрелился. Я сперва подумал, уж не уколошила ли она сама мужика за эти десять минут? Но медицинская экспертиза вопрос сняла.

– В связи с чем в деле возникла персона Глеба? – Перевел подполковник доклад помощника в интересующее его русло.

– Фамилию Михеева назвал любовник вдовы на допросе. Он знал, что Глеб за ним следит. Мало этого, Беньковский выложил мне адрес и телефон частного сыщика. Притворился, что считает Михеева нашим сотрудником... Очень темная личность. Естественно, раз Глеб за ним следил, я решил допросить парня, в надежде получить побольше информации. Маслов переговорил с Глебом. Тот велел заказать пропуск и поехал к нам... И едет до сих пор. Если бы не Грыжин, я бы подал Михеева во Всероссийский розыск. Я ведь первым делом подумал, что с ним чп. Но Грыжин меня успокоил и советовал до вашего приезда ничего не предпринимать.

– Спасибо, Тимофей. Я понимаю, почему ты так поступил и ценю это.

– Не стоит, Петр Григорьевич. Зная Грыжина и Вас, я уверен, что здесь не злой умысел, а какая-то накладка. Наверное, Михеев решил довести свое расследование до конца и явиться к нам с результатом.

– Ты вызывал вдову?

– Да, еще два дня назад. Но и она исчезла.

– Как исчезла? Да сядь ты, наконец, сколько можно свечой торчать. – Приказал подполковник, и Волков послушно опустился в кресло:

– Ее нет дома уже второй день. Я дал заявку в наружку. Ребята вторые сутки дежурят возле дома, но Хромова не появлялась.

– Что-то тут не так. – Задумался подполковник: – Иван Григорьевич сообщил, что Михеев сам заметил за собой слежку. По телефону он признался мне, что трусит. Поэтому вывез из Москвы семью. Михеев мужик лесной и бесстрашный. Значит, основания для беспокойства у него были не шуточные.

Разговор двух милиционеров прервал телефонный звонок. Ерожин снял трубку.

– Не волнуйся, мы уже дома. – Весело сообщила Надя.

– Хорошо, я скоро приеду. Вы сами добрались? Батя отвез?

– Нет, в бюро зашел очень милый клиент, он и предложил подвезти нас на своей машине.

– Ладно, ждите. Я зайду в универсам и закуплю продуктов. Дома же шаром покати. Небось, голодные сидите.

– Не надо, Петя. У нас все есть. По дороге наш благодетель завез меня на рынок, и мы все купили. Приезжай, накормлю. – Ворковала супруга.

– Везет тебе на добрых людей... Но мне не очень нравится, когда посторонние мужчины выказывают моей жене чрезмерное внимание. – Усмехнулся Ерожин.

– Не ревнуй, Петя, тут совсем другой случай. Жду. – Кокетливо оправдывалась супруга.

Петр Григорьевич положил трубку и на минуту задумался. Надя давно не говорила с ним таким воркующим тоном.

Волков заметил озабоченность шефа: – Дома что-нибудь случилось?

– Нет, все нормально. Только жена подозрительно веселая. – Ответил Ерожин: – Вернемся к нашим баранам.

– В общих чертах о деле Хромова я доложил. Без допроса вдовы и показаний Михеева торопить расследование не стоит. Надеюсь, что оба скоро проявятся... – Заключил Волков.

– Что по кабаку в Планерной? – Сменил тему подполковник.

– Троих сявок взяли. Организатор бойни известен, но улики нет. Сявки хозяина выгораживают. Берут все на себя.

Ерожин матюгнулся:

– Известная песенка. Всех знаем, все понимаем, а посадить не можем...

В дверь кабинета заглянула голова капитана Вязова. Увидев начальника отдела, он, так же, как и Волков, расплылся в улыбке: – Здравия желаю, Петр Григорьевич. С возвращением.

– Спасибо, Дима. Ты ко мне?

– Да вообще-то я Тимофея Николаевича искал, но раз вы на месте, доложу обоим. Лилия Ивановна Хромова в бюро пропусков.

Майор и подполковник переглянулись.

– Волоки ее сюда быстро. – Приказал Тимофей, и голова капитана исчезла.

– Сами допросите, или мне дело продолжать? – Поинтересовался майор.

– Ты допрашивай, а я посижу. Вдруг что с Глебом прояснится. Если честно, волнуюсь за родственничка. Уж очень странно для его характера такое поведение... – Признался Ерожин.

– Хорошо. Тогда я к себе в кабинет за делом сбегая, и назад. – Волков пружинно поднялся и быстро вышел. Петр Григорьевич проводил его взглядом, встал из-за стола и подошел к окну. Вернувшись с папкой и магнитофоном, Волков застал спину шефа.

– Чего топчешься, устраивайся за моим столом. Скоро займешь, привыкай понемногу...

– Не оборачиваясь, предложил Ерожин. В дверь постучали.

– Входите. – Разрешил майор.

В кабинет вошла красивая молодая блондинка. Ерожин оглянулся и не без любопытства свидетельницу изучил. Темно-русые волосы, убранные в пучок на затылке, придавали облику Хромовой элемент строгости, а черное платье до пят напоминало о том, что в кабинете вдова. И лишь два больших выреза по бокам платья дали понять Ерожину, что скорбь женщины не столь велика. Закончив осмотр, подполковник вновь принялся созерцать городской пейзаж.

– Садитесь, Лилия Ивановна. Я следователю по делу о гибели Арнольда Викторовича Хромова. Фамилия моя Волков – Представился майор, кивнув на кресло рядом с собой: – При допросе присутствует начальник отдела по раскрытию убийств, подполковник Петр Григорьевич Ерожин. Мы вас уже два дня ждем.

– Да, я знаю. – Лилия без смущения оглядела мужчин.

– Знали и не приходили? Нехорошо, гражданка Хромова. Так относиться к милиции нельзя. Мы же работаем для вас. – Пожурил майор: – Чем вызвано такое пренебрежение?

– Дело вовсе не в пренебрежении. Я не знала, что говорить...

Петр Григорьевич впился в лицо свидетельницы. Но ни улыбки, ни кокетства не обнаружил. Продолжая с интересом разглядывать вдову, он уселся на диван в углу кабинета, и затих.

– Я вас не понял. Как это не знали, что говорить? Если вы шутите, то в нашем кабинете в рабочее время юмора не понимают. – Нахмурился майор.

– Я вовсе не шучу. Врать не хотела, а правду говорить боялась. – Проникновенным тоном поведала Лилия.

– Врать нам не надо. Против самой может обернуться. – Остерег Волков: – Надеюсь, решились на правду.

– Потому и пришла.

– Давайте начнем. Учтите, ваши слова мне придется записать на пленку, – предупредил он, включая магнитофон.

- Не знаю с чего и начать...
- Начнем с формальностей. Ваше имя, фамилия, год и место рождения.
- Хромова Лилия Ивановна, родилась двадцать пятого ноября 1977 года в Ростове.
- Теперь расскажите, что знаете о гибели мужа?
- Арнольд застрелился при мне. – Выпала Лилия.
- Попрошу подробнее.
- Я делала прическу в ванной. По-моему, муж говорил по мобильному.
- О чем говорил? С кем?
- Понятия не имею. Арнольд общался с сотнями людей, а слов я не могла расслышать.

Шумел фен.

- Тогда откуда вы знаете, что он говорил по телефону? – Жестко бросил Ерожин.

Лилия резко обернулась: – Я видела в зеркале, как Арнольд ходит по квартире с трубкой. В ванной было жарко, и я приоткрыла дверь.

- Продолжайте, пожалуйста. – Торопил Волков.

– Я услышала щелчок, но не придавала значения. Закончила с прической, и пошла в спальню одеваться.

– Сколько времени вы провели в ванной, после того как услышали этот щелчок? – Тимофей что-то записал на листке, вышел из-за стола, и передал его Ерожину. После чего вернулся и повторил вопрос.

– Могу точно сказать. Тридцать семь минут. Я смотрела на часы, чтобы не опоздать на свидание. В кабинет Арнольда я заглянула перед выходом. Это было около шести.

– Сколько же, в общей сложности, вы провели времени в квартире после того как услышали выстрел?

- Немногим больше часа.

Итак, вы заглянули перед выходом в кабинет...

– И увидела мужа, сидящего за столом. Я с ним попрощалась, он не пошевелился. Я решила, что муж на меня дуется из-за Андрона...

– Кто такой Андрон? – Петр Григорьевич поднялся, подошел к столу и вернул Волкову листок. Тот проглядел его и положил под стекло текстом вниз:

- Это мой приятель. – Не поворачивая головы к подполковнику, ответила Лилия.

– Какие у него были отношения с вашим мужем? Он вас ревновал к мужу?

– Андрон Хромова едва знал. Вы не думайте, Беньковский замечательный человек, он и кошки не обидит...

Ерожин переглянулся с Тимофеем, едва сдерживая улыбку.

- Ваши действия после того, как вы покинули квартиру? – Пospешил с вопросом Волков.

– Дальше я вышла на улицу и села в машину к Андрону.

– Вы рассказали своему приятелю о случившемся?

– О чем? О том, что я слышала странный щелчок? Но мне тогда в голову не пришло, что это был выстрел... И лишь на обратном пути у меня вдруг кольнуло сердце. Поэтому я попросила Андрона сразу не уезжать.

- Когда это было? Назовите время. – Попросил Тимофей.

– Это было в половине одиннадцатого.

– По вашим словам, вы с тяжелым предчувствием вышли из машины и поднялись к себе?

– Да, поднялась и застала мужа в той же позе. Мне это показалось странным, и я вошла в кабинет.

- И пробыли с трупом ровно десять минут?

– При виде крови, мне стало плохо. Я присела на диван. Сколько прошло времени, не знала. Мне было не до часов. Как только смогла, побежала на улицу.

– Выходит, вы весь вечер предавались блаженству любви, а труп мужа тем временем коченел в кабинете. – Усмехнулся Ерожин.

– Я же не знала. Теперь мой поступок выглядит аморально.

– А при живом муже, естественно, встреча с любовником – акт высокой морали... – Не сдержался подполковник.

– Если вам так хочется, господин начальник отдела, можете думать, что я гадина...

Майор выключил магнитофон:

– На сегодня достаточно. Если товарищ подполковник не возражает, закончим. Я вызываю вас, гражданка Хромова, для продолжения нашей беседы завтра на десять утра.

Ерожин не возражал. Волков подписал Хромовой пропуск и проводил ее до двери.

– Ну, какое у вас впечатление? – Тимофей подсел на диван к шефу.

– Два дня готовила линию защиты и сегодня явилась нам это продемонстрировать. Интересно, кто режиссер? Сама бы она до этого не додумалась. Проверь, не летала ли вдовушку за прошедшие два дня, куда-нибудь на самолете? Первым делом ростовское направление. – Ерожин снова подошел к окну и молча посмотрел на улицу: – Скучно, коллега, в Эрмитаже уже все деревья желтые. Осень проходит, жизнь проходит... Может, бросим все это и уедем в горы пасти овец?

– Вы о чем, Петр Григорьевич? Каких овец? – Вытаращился Волков.

– Один мужик в самолете не желал к делам возвращаться. Мечтал в горы к туркам, овец пасти. Кажется, сейчас я его понял... – И, заметив удивленный взгляд майора, пояснил: – Шутка. Что ты хотел сказать?

– Вы помните последнюю фразу Хромовой? – Волков отмотал немного пленки и включил магнитофон. «Если вам так хочется, господин начальник отдела, можете думать, что я гадина...» – Повторил Лилин голос.

– Только не думайте, что я убийца. – Добавил за нее Ерожин и попрощался: – До завтра, Тимофей.

Оставшись в одиночестве, Волков подошел к столу, вынул из под стекла листок, и перечитал свой текст: «Не кажется ли вам, что Хромова прекрасная актриса?» и ответ Ерожина: «Уверен, что она знакома с данными медицинской экспертизы. Слишком четко подгоняет время».

* * *

В семь часов вечера Ерожин уже доставал ключи, намереваясь войти в собственную квартиру. Обе руки Петра Григорьевича были заняты. В одной он держал торт, в другой пакет с провизией. Хоть Надя и сказала по телефону, что доброжелательный клиент сыскного бюро завез ее на рынок, он все же по дороге заглянул в гастроном. Чтобы извлечь из кармана ключи, торт пришлось поставить на коврик у двери. Проделывая манипуляции с ношей, Ерожин услышал жуткий шум, доносившийся из квартиры. Тон и частоты звука говорили о детском присутствии. Но два его чада, обладая недюжинными способностями в этом искусстве, поднять такой крик не могли. Войдя в гостиную, изумленный супруг увидел на диване шевелящуюся и орущую гору. Основу горы составлял Глеб, на которого карабкались Ванечка и Леночка, с дикими воплями стягивая Фоню. Тот успел забраться отцу на плечи, вопил и пытался не пустить туда юных Ерожиных. Петру Григорьевичу зажать уши не удалось, руки у него были заняты покупками. Он кивнул Глебу, и чуть не бегом, отправился на кухню, где застал жену с Любой. Сестры оживленно беседовали, и Ерожин понял, что крики детей мамашам не помеха.

– Ой, ты пришел? – Воскликнула Надя: – А мы так увлеклись разговорами, что я даже не услышала, как ты дверь открывал.

Петр только покачал головой. Люба первой сообразила, что для разговора с мужчиной надо создать более спокойный фон и закрыла дверь. Сразу стало тише.

– Мы к вам прямо с Ярославского Вокзала. – Пояснила свояченица: – Вы уж нас извините, Петр Григорьевич. Глеб сказал, что, не поговорив с вами, домой не поедет. Вы не очень огорчены нашим нашествием?

– Не очень. – Ответил Ерожин: – Только немного оглох...

– Петь, ты не волнуйся. Дети возбуждены встречей. Они друг к другу привыкнут, и все встанет на место... – Успокоила Надя мужа.

– Ну, ну... – Ответил Ерожин.

– Иди помой руки. Мы сейчас тебя накормим и погуляем с ребятами, а вы с Глебом спокойно пообщаетесь. – Надя поставила на стол тарелку с супом и повернулась к плите, где на сковородке что-то шкварчало. Ерожин послушно направился в ванную, отметив краем глаза на подоконнике в гостиной роскошный букет роз. Он быстро проглотил поздний обед и по наступившей тишине понял, что детей вывели.

– Приятного аппетита, Петр Григорьевич. – Михеев явился на кухню, по привычке высоких людей, пригибая голову в дверном проеме.

– Привет, родственничек. Составишь компанию? – указав на свободный стул рядом, предложил хозяин.

– Спасибо. Я с дороги сильно проголодался, и Надя нас накормила... Ел я много. Больше не могу.

– Тогда вываливай. Я, честно говоря, не ожидал, что ты дашь деру. С каких пор ты стал трусом?

– Я, Петр Григорьевич, никуда не бегал. – Улыбнулся Глеб.

– А где же ты был?

– Под Москвой. До звонка Коли Маслова с Петровки, мне и впрямь было не по себе. Я подумал, что Хромов заказал Урода киллерам, а меня использует для прикрытия. И растерялся. Сами подумайте, я слежу, за мной следят. Хромов платил мне за странные услуги. Просил держать в курсе местонахождения Урода.

– А почему ты не пошел к Волкову?

Михеев рассказал, как возле ворот Петровки ему сунули под нос записку:

– Я понял – меня хотят сплавить. И еще понял – зеленый «Опель» от Урода, и успокоился.

– С чего ты взял?

– Пигмей, показавший записку, и катал на «Опеле».

– Дальше? – Ерожин встал, порывшись в буфете, нашел пачку сигарет, приоткрыл окно и затаился: – Продолжай, я слушаю.

– Первый раз вижу, как вы курите?

– Считаю, что тебе повезло: – Усмехнулся Петр Григорьевич: – Не отвлекайся.

– Я решил Уроду подыграть. Выехал на Ярославское шоссе, заметил, как пигмей катит за мной. Прошел километров за тридцать и отзвонил Грыжину. Мой разговор пигмей, наверное, перехватил.

– С чего ты взял?

– После разговора он отстал. Я придавил еще километров двадцать, спрятал машину, подождал час – никого. Вернулся в Москву по Дмитровскому шоссе и снял номер в отельчике у автовокзала. У меня там хозяйка знакомая. Однажды ее постояльца разыскал...

– Что тебе известно о Хромове? – Перебил подполковник.

– Время, когда он застрелился, я вычислил. В тот день я говорил с клиентом в шестнадцать тридцать. А в семнадцать его мобильный уже не отвечал. В семнадцать ноль пять я поднялся к ним в квартиру и позвонил. Хромов не открыл. Уверен, что он уже имел дырку в голове.

– Мадам Хромова нам с Волковым сегодня много лапши на уши повесила. Утверждает, что была в ванной, когда муж свел счеты с жизнью. Слышала щелчок, да не обратила внимания. Странная дамочка. – Задумчиво изрек Ерожин.

– Женщина любопытная и актерка первый класс. – Подхватил Глеб.

– О ней после. Ты про себя рассказывай. Чем занимался, пока залег на дно?

– Ей и занимался.

– Любопытно. – Оживился Ерожин.

– Вы ее подозреваете в убийстве мужа?

– Оснований для подозрений предостаточно. – Согласился Петр Григорьевич, но уверенности в его голосе Михеев не отметил.

– Она тут ни при чем. – Твердо заявил Глеб.

– Откуда ты знаешь?

– В момент выстрела ее в квартире не было.

Ерожин присвистнул:

– А где же она была?

– Она вошла в подъезд за минуту до появления Урода, затем сразу вышла и села в машину.

– Давай подробнее? – Потребовал подполковник.

– Пожалуйста. В день гибели Хромова я пас Урода возле его дома. Хромов позвонил мне на мобильный и попросил срочно приехать.

– Ты называл время шестнадцать тридцать... – Напомнил Ерожин.

– Да, в шестнадцать тридцать он мне и позвонил. Я подъехал к дому и стал ждать. Хромов хотел сам спуститься ко мне. Он почему-то не желал разговаривать в квартире. Клиент не выходил, и я решил ему позвонить.

– В семнадцать ноль-ноль?

– Да. Клиент не ответил. Я пять минут подождал и поднялся к квартире, но и дверь мне не открыли.

Ерожин погасил сигарету и прошелся по кухне:

– Из чего ты сделал вывод, что Хромов застрелился, или застрелен в промежуток от шестнадцати тридцати, до семнадцати?

– Так точно. – Подтвердил Глеб.

– Развивай дальше. Ты сказал, что Хромовой дома не было?

– Да, не было. Я несколько раз звонил в дверь, мне не открыли. Я спустился, сел в машину и стал раздумывать, как поступить. И увидел, как она бежит к подъезду.

– Бежит? – Переспросил Ерожин.

– Да, красотка очень спешила. Заскочила в подъезд. Через минуту подкатил Урод. Хромова вышла, как ни в чем ни бывало и уселась к нему. За это время она не могла подняться на седьмой этаж. Я уверен, что она немного постояла за дверью, отдышалась и явилась к Уроду.

– Что было дальше?

– Дальше вы знаете. Голубки провели вместе четыре часа, затем, Урод привез красавицу домой и десять минут дожидался, пока она выйдет. За эти десять минут он успел подойти ко мне и выложить свое расписание на завтра.

Ерожин сел и засмолил вторую сигарету:

– Теперь выкладывай, чем занимался в подполье?

– Решил пасти Хромову. – Улыбнулся Глеб.

– Почему ее, а не Беньковского?

– Потому что мне показалось странным поведение женщины. Зачем спектакль у подъезда в день гибели мужа? Для чего она держала Урода десять минут в машине? Я захотел это выяснить и решил ее попасти...

- А «пигмей» пас тебя? – Усмехнулся Ерожин.
- Нет, я взял офисную «Девятку».
- Не офисную, а мою, – ворчливо уточнил подполковник.
- Да, вашу. Но вы же отдали ее нам в бюро.
- Ладно, проехали. Так не было слежки?
- Не было. Я очень внимательно смотрел в зеркало. «Опель» за мной ходить перестал.

Урод поверил, что я смылся и снял наблюдение.

- Что же сделала дамочка? Улетела в Ростов?
- Почему в Ростов? – Не понял Глеб.

– Потому, что она оттуда родом. Кстати, не вы с Любой приволокли роскошные розы, что стоят у нас в гостиной?

- Нет.
- Я так и предполагал. Развивай, не спи. Если не в Ростов, то куда?

– Хромова вышла из дома в шесть утра, поймала левака и поехала в пансионат на Клязьму. Там машину отпустила, обошла территорию вдоль забора, явно проверяя, есть ли за ней хвост, после чего скрылась в подъезде. Два дня она на улицу не выходила. Сегодня утром поехала в Москву на красном «Рено». За рулем сидел грузный мужчина с заметной плешью. Номер я записал. «Рено» доставил вдовушку прямым ходом на Петровку. Я не мог продолжать наблюдения, должен был встречать семью.

– Кто же этот таинственный иномарочник? Знакомый? Сосед по пансионату или калымщик, возит отдыхающих? Как ты думаешь?

- Не знаю, Петр Григорьевич. Для калымщика слишком солиден...

Ерожин хмыкнул: – Сейчас и профессора калымят. На зарплату науке не разгуляться.

Глеб пожал плечами. Петр прошелся по кухне, потянулся, хрустнув костяшками пальцев и раздумчиво произнес:

– Судя по записке Беньковского, твой урод в курсе, что ты поднимался к квартире Хромова, когда хозяин уже был мертв.

– Скорее всего Пигмей проследил, как я вышел из машины и зашел в подъезд. – Согласился Глеб.

– Выходит, и Беньковскому известны данные медицинской экспертизы. Интересно, откуда? – Ерожин посмотрел на часы и достал мобильный: – Тимофей, ты еще на работе?

- Уже собираюсь домой. – Ответил Волков.

– У нас в Управлении идет утечка информации. Я про данные медэкспертизы.

– Я уже начал тихое расследование.

– Молодец. А сейчас Глеб тебе продиктует номер машины. Выясни, кому эта тачка принадлежит. – Приказал Ерожин и передал Глебу трубку.

– Здравствуйте, Тимофей Николаевич. Я вам потом все объясню. Записывайте. – Едва Глеб успел продиктовать Волкову номер, как в квартире раздались вопли и улюлюканье. Это дети Ерожина и сынок Глеба вернулись с прогулки.

- Успели наговориться? – Улыбнулась Надя, заглянув на кухню.

– Пожалуй. – Улыбнулся в ответ Ерожин.

– Тогда будем пить чай с твоим тортом. Дети видели торт и очень рвались домой. Не возражаешь?

– Не возражаю. Но сперва хотелось бы узнать, откуда у нас в доме те прекрасные розы, что стоят в гостиной? – И Петр Григорьевич внимательно посмотрел в глаза супруге.

* * *

– Спасибо за концерт. Я раньше не подозревала, что классическая музыка может доставить такое удовольствие. – Светлана взяла Беньковского под руку и едва заметно прижалась к нему.

– Моцарт знает, чем зацепить душу человека. А нам ничто не доставляет столько радости, как волнение собственной души. – Изрек Беньковский, словно не замечая нежного порыва молодой женщины. Они вышли из консерватории и двинулись по Большой Никитской. Свой «Лендровер» Андрон Михайлович оставил в соседнем переулке, поскольку на улице стоянка запрещалась.

– Мне не хочется домой... – Призналась Светлана, заметив, что они свернули в переулок.

– Поедем куда-нибудь поужинаем. – Без особого энтузиазма предложил Беньковский.

– Нет, есть я совсем не хочу. – Ответила Светлана и покраснела. Беньковский косился на Свету правый глаз:

– Могу пригласить к себе, но, во-первых, я предупредил при первой встрече, что волочиться за красивой женщиной с моей внешностью глупо, а во-вторых, что ты скажешь мужу?

– Сколько можно тебя просить не бравировать внешностью?

– Я не бравирую, а трезво ее оцениваю.

– Позволь мне это со мной решать. Если я тебе не нравлюсь, так и скажи. А Тема улетел на Канары, и раньше пятницы не вернется...

– Ты уверена, что муж улетел развлекаться не один, и хочешь ему отомстить, а я орудие мести...

– Если бы я хотела мстить мужу, я бы раньше это сделала. Поверь, предложений на эту тему я получаю предостаточно.

– Прости...

– Простила.

Доведя Светлану до машины, Беньковский остановился:

– Светочка, ты мне очень нравишься. Но мне не хочется пользоваться твоим мимолетным настроением. Ты сейчас под впечатлением от другого мужчины.

– Ты о ком? – Удивилась она.

– Я о Моцарте... Давай сегодня я отвезу тебя домой, а мое жилье мы посетим в следующий раз. Я должен быть уверен, что ты этого хочешь осмысленно...

– Как скажешь...

– Вот и умница.

– Ты удивительный мужик. Чем больше я тебя узнаю, тем больше тебе поражаюсь. – Улыбнулась женщина, влюблено глядя в косые, запавшие глазки своего странного кавалера.

Всю недолгую дорогу ехали молча. Светлана жила в солидном новом доме на Малой Грузинской. Проводив женщину до подъезда, Андрон Михайлович галантно распахнул дверь:

– Звони. Я очень радуюсь твоим звонкам.

– Почему ты мне не можешь позвонить на мобильный телефон? Кроме меня трубку никто не возьмет.

– Звони мне сама. – Многозначительно настоял Андрон Михайлович и, запустив Светлану в дом, вернулся к машине. Усевшись за руль, взглянул на часы. Стрелки показывали начало одиннадцатого. Андрон Михайлович откинул голову на подголовник. Если бы еще неделю назад ему кто-нибудь сказал, что он откажет даме во внимании, да еще такой даме, как Светлана, Беньковский бы долго хохотал. Но два дня назад в его жизни все изменилось. Андрон Михайлович Беньковский влюбился. Отпустив Светлану, он тут же о ней забыл. Перед его глазами возник образ другой прекрасной женщины. Отогнав видение, он тряхнул своей

маленькой суховатой головкой и повернул ключ зажигания. Выехав на Большую Грузинскую, Беньковский не свернул в сторону Тверской к дому, а, миновав зоопарк, пересек Красную Пресню, спустился к Москве-реке и помчался по набережной. Через пятнадцать минут он въехал во двор огромного девятиэтажного дома на Фрунзенской набережной и остановился возле детской площадки. Остановился так, чтобы видеть подъезд напротив. Прошло полчаса. Иногда в подъезд входили люди, иногда кто-то выходил. Беньковский сидел без движения. Сгорбившись и опустив свой костистый нос к рулю, он напоминал большую задремавшую птицу. Внезапно водитель выпрямился и уставился в окно. К подъезду напротив припарковался большой темный лимузин. Из кабины вышел белобрысый, стриженный под бобрик мужчина и, замкнув пультom автомобиль, быстро зашагал к двери.

– Очередной красавчик... – Прошипел вслед Беньковский и, переждав несколько минут, подрулil к темному лимузину. Записав номер машины, он медленно выкатил из двора. Теперь мужа Нади, Петра Григорьевича Ерожина, Андрон Михайлович знал в лицо.

* * *

Тимофей Волков в третий раз выслушивал Лилию Ивановну Хромову. Женщина повторяла свои показания слово в слово. Даже интонации в отдельных местах рассказа не менялись.

– Ну, ладно. – Волков встал и выключил магнитофон: – Вы поете одну и ту же песню, гражданочка Хромова, и эта песня, хоть вы и классно выучили слова, вам кроме вреда ничего не сулит.

– Я рассказываю, что было. Вы же сами предупредили, что надо говорить правду... – Наивно удивилась Лилия.

– В том-то и дело, что врете.

– Я не вру.

– Врете. А зачем, я понять пока не могу. Вы утверждаете, что муж застрелился при вас, а вы даже не поняли, уходя из дома, что перед вами труп. Это же полная чушь. Не один народный заседатель вам не поверит... О судье и не говорю. Все решат что мужа ухлопали вы. – Волков прошелся по кабинету, как любил делать Ерожин, и вернулся к столу: – Чего молчите? Это пятнадцать лет тюрьмы.

– Я мужа не убивала...

– А кто поверит? Если учесть, что вы еще и изменяли Хромову, картинка складывается не в вашу пользу. Может, расскажете правду? – Волков уселся за стол и впился женщине в глаза. Лилия опустила голову и устало повторила:

– Я мужа не убивала.

– Не убивали, и не могли убить. Потому что дома в момент выстрела вас не было... Но вы утверждаете обратное.

Женщина вздрогнула и посмотрела следователю в глаза:

– Оставьте меня в покое.

Волков усмехнулся и подписал Хромовой пропуск:

– Завтра утром жду. И потрудитесь за время до нашей следующей встречи понять – пора говорить правду. Упрямство ведет за решетку. По вашим показаниям у меня есть все основания арестовать вас немедленно.

Лилия вышла из Управления и побрела по Петровке, опустив голову. Она ничего не видела и не слышала, и чуть не столкнулась с коляской, которую катила молодая мамаша.

– Осторожнее, женщина. Там ребенок. – Одернула ее рассерженная молодка. Хромова не сразу поняла, в чем дело, затем извинилась, вышла на проезжую часть и подняла руку.

– До Клязьменского пансионата. – Бросила она водителю фургона, который резко притормозил рядом.

– Рубликов семьсот. За меньше не поеду. – Оскалился тот, показав щербатые зубы.

Лиля кивнула и, устроившись рядом с шофером, отвернулось к окну. Выехать из Москвы сразу не удалось. У кольцевой магистрали километровой змеей застыла пробка. Но Хромова думала о своем, и тихий мат водителя, так же как гудки застрявших машин, не замечала.

– Может, накинешь сотенку. Три часа потерял. Я бы за это время по Москве больше накалымил. – Клянчил щербатый, притормаживая у ворот пансионата. Лиля молча добавила сотню и быстрым шагом направилась к главному входу.

– Павел Захарович у себя? – Спросила она охранника.

– Оне на процедуре. Доложить? – Уважительно склонился крепкий малый.

– Доложите, я подожду в холле. – Лиля быстро прошла к окну и уселась в кресло. Минут через пятнадцать перед ней возник плотный мужчина в махровом халате с добрым круглым лицом и заметной плешкой.

– Давно сидишь? – Бросил он вместо приветствия. И, не дождавшись ответа, скомандовал: – Пошли, нимфоманка...

Едва поспевая за своим знакомым, Хромова поднялась на второй этаж. Павел Захарович отпер номер и, не глядя на спутницу, вошел первым: – Вываливай, что стряслось?

– Они все знают... – Тихо проговорила Лиля, падая в кресло.

– Кто они? Что знают? – Хозяин номера открыл холодильник, достал бутылку нарзана и налил в стакан:

– Пить хочешь?

Лиля отрицательно кивнула:

– На Петровке знают, что меня не было дома.

– Откуда?

– Понятия не имею.

– Плохо. – Павел Захарович без малейшего стеснения сбросил халат, достал из шкафа спортивный костюм и, облачившись в него, уселся с ногами на тахту: – У них есть свидетель?

– Не знаю. Я устала и боюсь.

– Чего боишься, дура? Ментов или своего красавца?

– И их, и его. Следовательно пугал, что если не признаюсь, меня за мои показания упекут.

– А если признаешься, тебя ухлопает Беньковский. Так? – Усмехнулся Павел Захарович.

– Дядя Паша, что мне делать?

– Я тебя сразу предупреждал, племянница, что с этим красавцем надо играть осторожно. А ты – любовь... Надо же умудриться втюриться в такое чудовище. Теперь все наши замыслы провисают. А как хорошо все шло... – Вздохнул дядюшка: – Ладно, скажешь на очередном допросе, что была у меня. Охрану я подмажу, они подтвердят ментам.

– А как я объясню, что говорила раньше другое? – Лиля заморгала, с трудом сдерживая слезы.

– Намекнешь, мол, боялась урода и его ревности. Он бы не поверил, что у нас дружба... Это прозвучит почти правдой.

– А что делать с Андроном?

– Красавца я возьму на себя. Теперь езжай домой и ни с кем не трепись. Тебе надо выплывать сухой из воды, иначе лишишься наследства.

– Ты его не знаешь. Беньковский страшный человек.

– Ничего, и не таких ломали.

– Ты его убьешь? – В глазах Лили застыл ужас.

– Там видно будет. – Ухмыльнулся Павел Захарович: – Тебе пора. Через четверть часа у меня обед, а режим дело святое...

* * *

Надя шагала по Тверской в прекрасном расположении духа. Елена Николаевна взяла на весь день внуков к себе, и молодая мама получила возможность заняться собой. У нее кончалась косметика, не осталось целых колготок, и голова давно требовала стрижки. Все это Надя и намеревалась успеть за день свободы. С колготками она покончила быстро, но своих французских духов найти не могла. В шикарном магазине на Пушкинской молоденькая продавщица уверяла, что «Ночной Париж» полный аналог ее любимого «Рико», но Надя вежливо повела носом над флаконом и отказалась. Зато с парикмахерской ей повезло. Ерожина стриглась у полной улыбчивой мастерицы Лизы, но та обычно работала по записи. Записывались дамы к мастерице за неделю, а сегодня кто-то не явился, и Надя уселась в кресло, не прождав и десяти минут. Она терпеливо, прикрыв глаза, сносила, пока Лиза мыла ей голову, колдовала с ножницами и без конца тараторила. Через полтора часа работа над головкой молодой женщины близилась к завершению. Лиза перестала болтать и клиентка, наслаждалась тишиной, открыла глаза, поглядела в зеркало и вздрогнула. Вместо Лизы рядом с ней в белом халате поверх прекрасного твидового пиджака стоял Беньковский. Он держал в руках ножницы и с видом усталого мастера оглядывал прическу Нади, словно только что закончил последний штрих...

– Господи, а где Лиза? – Прошептала пораженная Надя.

– Заключительный аккорд я своим мастерицам не доверяю. – Улыбнулся маэстро: – Вы меня узнали?

– Андрон Михайлович!?

– Собственной персоной. – И Беньковский скривил губы, изобразив застенчивую улыбку:

– Как вам цирюльник?

– Я не думала, что вы тут... Что вы по этой специальности. – Растерялась Ерожина.

– И правильно делали. – Захохотал лжепарикмахер, сбрасывая халат: – Я вас разыграл. Иду мимо, смотрю, в кресле знакомое личико. Вот я и подкупил Лизу, напялил халат и получил ваше искреннее изумление... Вы не обиделись?

– Нет... Но вы и шутник. – Наконец улыбнулась Надя: – А где Лиза? Мне надо с ней расплатиться.

– Вам ничего не надо. Я с ней уже расплатился, и за подлог и за вашу прическу... – Скромно признался Беньковский.

Надя густо покраснела:

– Нет, так не пойдет. Сколько я вам должна?

– Я хочу есть. Угостите меня кофе, и будем в расчете. – Беньковский мгновенно посерьезнел и напряженно ждал ответа.

– Я с удовольствием вас угощу, но деньги за прическу вы должны взять. Это дороже кофе и мне неприятно принимать подобные услуги...

– От малознакомых мужчин. – Быстро договорил недосказанное Надей Андрон Михайлович.

– Если хотите, то так. Правда, и от хорошо знакомых мужчин тоже... Я же замужняя женщина и только мужу позволительно проявлять подобные знаки внимания.

– Так вы отказываетесь угостить меня в кафе? – Словно не замечая аргументов Нади, гнул свое Беньковский: – Или вам стыдно с таким, мягко говоря, несимпатичным субъектом показаться на людях?

– С чего вы взяли?! – Возмутилась Надя: – Хорошо, пойдем. Только я должна все равно вернуть вам деньги и поблагодарить Лизу. Куда вы ее дели?

– А я здесь. – Вытирая слезы от смеха, заявила мастерица: – Ой, у вас такой юморной приятель. Мы все из кабинета наблюдали, чуть со смеху не померли. Вы уж простите меня, Наденька. Но вашему другу отказать невозможно...

– Ничего, Лиза. Сколько стоила прическа? – Строго поинтересовалась Ерожина.

– Ой, все уже. Я очень довольна. Ваш друг такой щедрый, что я и не ожидала. Приходите еще. – И повернувшись к Беньковскому, добавила: – И вы тоже...

– Я вас подожду на улице. – Сообщил Беньковский Наде и, заговорщически подмигнув Лизе, быстро ретировался.

В маленьком кафе на Тверской из десяти столиков только два оказались занятыми. На парочку в углу Беньковский взглянул не без любопытства. Наде захотелось сидеть у окна. Ей нравилось наблюдать, как мимо них по улице нескончаемым потоком проплывали машины и пешеходы. Вспомнив, что выступает в роли кормилицы, Надя молча подвинула Беньковскому меню:

– Выбирайте... – И опять отвернулась к окну.

– Вы все еще сердитесь? – Тонем провинившегося гимназиста спросил Андрон Михайлович.

– Да, я не привыкла к таким вещам.

– Странно...

– Что вам странно? – Надя попыталась посмотреть в глаза собеседнику, но они косили в разные стороны.

– Странно, что такая красивая женщина не привыкла к знакам внимания. Вы же понимаете, что с моей внешностью мне и в голову не придет волочиться за вами. Поэтому моя шалость совершенно безобидна, и вы...

– При чем тут ваша внешность? – Раздраженно перебила Надя. По-моему, мы еще при первой встрече обговорили эту тему. Дело не во внешности. Вы очень милый человек и, не будь я замужем, вам бы ничего не мешало... Но я замужем и люблю мужа.

– Спасибо, вы очень снисходительны ко мне. А что любите мужа, говорит за вас. Вот только жаль, что у него не хватает на вас времени... – Покачал головой Беньковский, начиная свою беспроясненную партию. Но на Надю проверенный ход не подействовал:

– Да, жаль. Но любой настоящий мужик занят делом, и пустого времени не имеет. А пустышку я бы не полюбила... Так вы выбрали, что будете есть?

– Да. Я хочу стакан боржоми, рюмку водки и бутерброд с икрой. – Улыбнулся Беньковский, отодвигая меню.

– Вы же хотели есть? – Напомнила Надя.

– Вот я и поем. – Заверил Андрон Михайлович.

– Такой здоровый мужчина и один бутерброд. Зачем мы вообще тогда пошли сюда?

– Исключительно из-за вас. Вы же не хотели оставаться в долгу. Теперь у вас есть возможность мне отомстить... – И Андрон Михайлович галантно поклонился.

– Так мстите хотя бы на полный обед, или возьмите деньги за стрижку.

– Вы, Наденька, становитесь однообразной. Я получил удовольствие, а за удовольствия полагается платить. А заказал я мало, потому что здесь впервые и к незнакомой кухне отношусь осторожно.

– Боитесь отравиться? – Надя раскрыла меню, быстро пробежала глазами закуски: – А я съем жульен и салат. Я отравиться не боюсь.

– Советую взять рюмку водки и вам.

– Зачем мне водка? – Не поняла Надя.

– Для дезинфекции. Поверьте моему опыту. В российском общепите дезинфекция никогда не помешает.

– Ну ладно, будем верить опыту. – Согласилась Надя. Официант принял заказ и принес приборы.

– Итак, вы счастливая женщина?

– Что вы имеете ввиду? – Насторожилась Надя.

– Любите мужа, и он ваш идеал? – Беньковский развернул салфетку и положил себе на колени.

– Да, Петр настоящий мужик.

– Кстати, он не москвич?

– Да, муж родился в Новгороде и там начинал свою карьеру. Он рано остался без родителей и сделал себя сам. Я Петром горжусь.

– Редкий случай для нашего подлого времени. Сейчас благородные мужики нищие. Если ваш муж состоятелен, никогда не поверю, что ему хоть раз в жизни не пришлось пойти на сделку с совестью... – Беньковский проговорил это так, словно размышлял вслух.

– Мне неприятно слушать подобное. Давайте сменим тему. А насчет мужа, я уверена, что он на сделку с собственной совестью никогда бы не пошел. – Резко возразила Ерожина. – И живем мы, между прочем, на зарплату...

– На зарплату? – Удивился Андрон Михайлович: – Я ведь был у вас дома. На зарплату такую квартиру не обустроишь... Но действительно, хватит об этом. Я тоже не бедствую, поэтому рад, когда и другим везет. Лучше расскажите мне о себе.

О себе Наде говорить не хотелось. Помог официант.

– Вот нам уже и принесли. Давайте поедем, а то я ужасно есть хочу... – Ухватилась Надя за возможность уклониться от рассказа.

– Тогда выпьем за нашу случайную встречу. Говорят, что случайности Боги готовят на небесах. – Беньковский поднял рюмку.

– Я не возражаю. Вы очень милый. И розы ваши до сих пор не завяли... Хотя муж на них каждый день смотрит мрачным глазом.

Андрон Михайлович залпом осушил рюмку и вытер салфеткой губы:

– Не удивительно. Имея такую красавицу жену, станешь ревнивцем.

– Нет, он у меня не ревнивец. Да и поводов я не даю. Скорей уж я ревнивица в нашей семье.

– Не верю, что при такой супруге какой-нибудь мужчина смог бы смотреть налево. Правда, видите того блондина в углу?

Надя осторожно оглянулась:

– Да, вижу. Ну и что?

– У него тоже очаровательная жена и, кстати, тоже блондинка, а он флиртует с другой.

– Это ваш знакомый?

– Он меня не знает. А я его – да... – Андрон Михайлович мог бы добавить, что не только знает Тему Загорского, но и спит с его женой. Но воздержался и снова разразился комплиментом: – Но позволю себе повториться, при такой красавице, как вы, налево смотреть дикость...

– Вы мне наделали столько комплиментов, что я засмушалась... А Петр налево очень даже смотрит. Надеюсь только, что не бегаёт... как этот... Почему вы не закусываете? – Надя, глотнув водки, поморщилась и принялась за салат.

– Успеется. Знаете, вы удивительная женщина. Я о вас каждый день думал, наверное, поэтому и увидел. Я очень хотел вас увидеть. Вы не пугайтесь, я без всяких задних мыслей. Красота порабощает. Наверное, вам смешно. Такой урод, а замечает красивых женщин...

Надя поморщилась:

– Вы опять про свою внешность. Мне кажется, вы большая кокетка, вам нравится, чтобы вас жалели. Уверена, что женщины вас вниманием не обделяют... И мне вы тоже нравитесь.

Не будь я замужем, кто знает... Кстати, мой муж при первом знакомстве тоже говорил, что красота поработает.

– Спасибо за сравнение, и поскольку ваше сердечко занято, позвольте предложить вам дружбу. Я не навязчивый друг, но верный.

– С радостью, только мне придется вас познакомить с Петром. – Серьезно ответила Надя.

– Как-нибудь при случае... – И Беньковский скривил губы в гаденькую улыбочку.

– А теперь мне пора. – Надя кивнула официанту и раскрыла сумочку.

– Поверьте, впервые в жизни мою трапезу оплачивает дама. – С шутливым пафосом сообщил Беньковский.

– Надеюсь, что и парикмахером вы не каждый день работаете? А кто вы по настоящей профессии, если не секрет?

– Какой секрет. Я архивный червь. – Ухмыльнулся Андрон Михайлович: – Вас подвезти? У меня машина недалеко.

– Так вы на машине... Как же вы меня увидели в парикмахерской? – Надя внимательно посмотрела на своего нового знакомого.

– Не надо меня подозревать в лицемерии. Я живу на Тверской. Машина стоит возле дома. Это десять минут отсюда. Хотите в гости?

– Нет, в гости к мужчинам я без мужа не хожу. – Расплатившись по счету, Надя встала: – И подвозить меня не надо. Я так редко могу прокатиться в городском транспорте, что для меня это целое приключение.

– Тогда разрешите проводить вас до метро.

Надя шла рядом со своим новым знакомым и испытывала странное чувство. Такое чувство она ощутила, впервые танцуя с Ерожиным.

«Почему на меня так действует этот странный мужик? Внешность у него и впрямь жуткая», – Размышляла Надя, искоса поглядывая на Андрона Михайловича.

Не доходя до подземки, Беньковский остановился возле цветочного киоска, быстро выхватил из корзины охапку роз и с поклоном вручил Наде.

– Вы хотите, чтобы муж меня выгнал из дома? – Строго спросила она.

– Я хочу, чтобы у вас в доме всегда были розы. А ваш муж может меня вызвать на дуэль. Я все равно стрелять не умею, я ведь не милиционер, – усмехнулся Беньковский.

Надя хотела что-то ответить, но пока она любовалась розами, кавалер исчез. Надя огляделась по сторонам, покачала головой и спустилась в метро.

К родителям она вернулась как раз к ужину. Елена Николаевна кормила внуков:

– Какие чудесные розы! – Воскликнула она, открыв Наде дверь.

– Да, розы красивые. – Согласилась дочка.

– Ты их купила?

– Нет, мне их подарил один странный мужик, и я их оставляю тебе. Не хочу волновать Петю.

– В нашей семье не было принято поощрять поклонников. Но молодежь живет по-другому. – Заметила Елена Николаевна, унося розы на кухню.

– Ты не так поняла, мама. – Покраснела Надя и отправилась к детям.

* * *

Петр Григорьевич сидел в своем кабинете и слушал магнитофонную запись. Лицо полковника имело отсутствующее выражение, и Волков, сидящий напротив, не мог понять, слышит ли начальник текст допроса, или нет. Запись закончилась, но Ерожин продолжал сидеть, так и не выключив магнитофон. В своих мыслях начальник отдела находился далеко от Петровки. Странное поведение Нади занимало его мысли. Вечером жена спросила, как бы он

отнесся, если бы она завела себе друга. «Конечно, я бы тебя с ним познакомила» – Добавила она и рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.